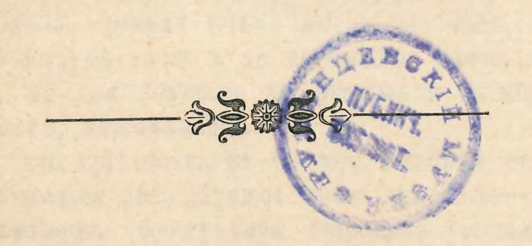
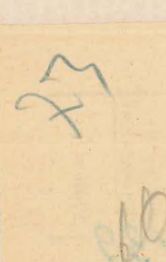
Н. Чукмалдинъ.

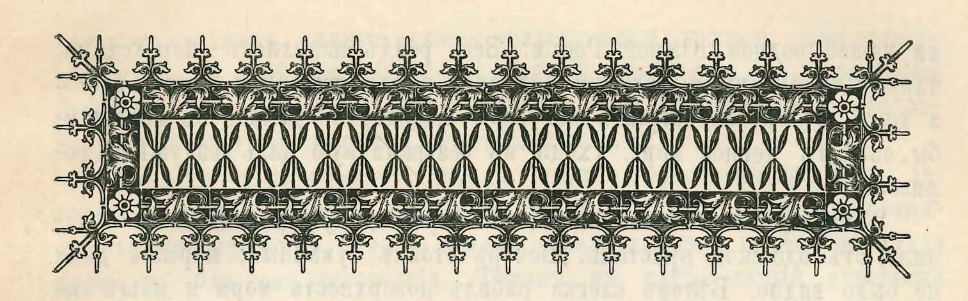
Путевые очерки Палестины и Египта.

г. Екатеринбургъ.
Типографія эжедн. газеты „УРАЛЪ".
1899 г.

Дозволено цензурою 8 іюня 1899 г. С.-Петербургъ.

Черное море.

Четвертаго марта, ровно въ полдень, выѣхали мы по Курской желѣзной дорогѣ изъ Москвы. Въ Москвѣ была еще зима въ полномъ смыслѣ этого слова. На улицахъ лежалъ снѣгъ; солнце свѣтило по—зимнему, не часто стихалъ вѣтеръ, и еще рѣже вѣяло тепломъ и напоминало,что идетъ весна, потекутъ ручьи, появится зелень и оживетъ природа. Теперь на всемъ еще лежала печать угрюмой зимы и сѣвера. Но вотъ, чрезъ однѣ сутки мы въ Кіевѣ, а чрезъ другія въ Одессѣ и какая же рѣзкая перемѣна! Въ Москвѣ зима, а въ Одессѣ—ранняя весна. Зелени еще нѣтъ, но она уже пробивается; въ воздухѣ тепло и то неуловимое нѣчто, которое чувствуетъ каждый, но для котораго не открыто и не подыскано до сихъ поръ ни красокъ, ни выраженій.

Каждый, кто пріѣзжаетъ въ Одессу, поскорѣй стремится увидѣть море и полюбоваться имъ. Лучшее мѣсто для этого—бульваръ, устроенный на высокомъ берегу моря, широкими уступами спускающійся книзу, по длинѣ которыхъ вьются утрамбованныя дорожки и зеленѣютъ деревья. Посреди бульвара, гдѣ оканчивается полуоваломъ улица Ришелье, стоитъ памятникъ этому замѣчательному человѣку и спускается широкая мраморная, съ 9 широкими же площадками, лѣстница. Въ самомъ низу, у подножія берега, кругомъ всего рейда, безпрерывно двигаются поѣзда, подвозящіе на пароходы товары и увозящіе оттуда ихъ обратно. Кругомъ всего рейда, по всѣмъ дамбамъ, на высокихъ деревянныхъ столбахъ тянется воздушная желѣзная дорога, по которой также движутся поѣзда съ насыпными хлѣбами, продукта-

ми нашей родной Южной России. Весь рейдъ наполненъ пароходами, парусными судами и мелкими лодками; всюду усиленная дѣятельность, а тамъ, вдали, за острымъ конусомъ выдвинутой далеко въ море дамбы, синѣетъ Черное море, уходя въ безграничную даль воздушнаго горизонта.

9 марта, въ 4 часа вечера, на пароходѣ „Корниловъ" мы отчалили отъ одесской пристани. Вечеръ стоялъ туманный; морской дали не было видно. Вѣтеръ слегка рябилъ поверхность моря и нашъ великанъ „Корниловъ" лѣниво и едва замѣтно начиналъ покачиваться съ одной стороны на другую. На берегу стояла толпа провожавшаго насъ народа и игралъ оркестръ военной музыки. Родные и знакомые пассажировъ, оставшіеся на берегу, махали платками, шляпами, посылая послѣднее привѣтствіе отплывающимъ, а пароходъ медленно поворачивался и выходилъ изъ порта. Но вотъ пройденъ и конецъ крайняго мола; вотъ пароходъ дѣлаетъ крутой поворотъ направо и механизмъ его винта глухо, но сильнѣе и сильнѣе бурлитъ за кормою воду, дѣлая изъ нея бирюзовую полосу; вотъ Одесса стала съ правой стороны парохода и мы въ морѣ... Какъ описать и разсказать ясными словами то ощущеніе, какое испытываетъ человѣкъ въ эти минуты, когда онъ прощается съ землею и когда впереди его-одно только безбрежное море, со всѣми прелестями и опасностями, всегда почти неожиданными.

Но—чу! звонитъ колоколъ—знакъ, что время обѣда. Идемъ въ каюту, моемся, причесываемся, стараясь придать себѣ тотъ принятый видъ приличія, который господствуетъ за всѣми табль-дотами въ мірѣ, будетъ-ли это на морѣ или на сушѣ. Кое-кто, убаюканный качкою, не выходитъ къ столу и мучается у себя въ каютѣ морскою болѣзнью.

Обѣдъ, какъ всѣ обѣды на пароходахъ, хорошій, сытный, съ прекраснымъ виномъ и фруктами, занимаетъ ровно часъ времени, послѣ котораго пассажиры расходятся по разнымъ уголкамъ парохода, выбирая мѣстечко по своему вкусу и настроенію для послѣобѣденнаго кейфа. Не страдающіе морской болѣзнью идутъ на палубу смотрѣть на волны, слушать музыку моря и уноситься въ чудный міръ фантастическихъ грезъ, если только есть къ этому какая нибудь внутренняя потребность. Другіе, болѣе практичные и реальные, ищутъ другихъ объектовъ для изученія, напр., какъ устроенъ пароходъ, какой онъ длины и ширины, какая въ немъ паровая машина и сколько пудовъ вѣситъ каждое рогатое животное изъ числа тѣхъ, что составляютъ часть груза нашего парохода. Третьи примиряютъ эти два крайніе полюса, эти два типа практики и мечтательности, варьируя своими потребностями духа, между тѣми и другими. И пароходъ, качаясь на волнахъ, живетъ своею коллективною жизнью, какъ всякое общежитіе въ мірѣ, на извѣстной высотѣ настроенія, подверженнаго безчисленнымъ переходамъ, но, конечно, какъ все на свѣтѣ, ограниченнаго извѣстной сферой и пространствомъ...

Но вотъ мало-по-малу туманъ началъ опускаться на море, закрывалъ луну и звѣзды, окутывать пароходъ и, наконецъ, превратился въ непроницаемую темную пелену, среди которой ничего не видно даже на близкомъ разстояніи. Туманъ на морѣ—самый страшный врагъ, котораго боятся даже старые моряки, а ужъ они-ли на своемъ вѣку не видали страховъ и опасностей? Туманъ—это какъ бы чары злой волшебницы, закрываетъ все, значительно заглушаетъ звукъ и подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на воображеніе. Въ это время капитанъ чутко прислушивается къ каждому звуку, зорко смотритъ впередъ, безпрерывно даетъ свистки, боясь столкнуться съ встрѣчнымъ пароходомъ, который также мало видитъ, мало слышитъ и также тревожно всматривается и прислушивается. Въ такое время, сидя на пароходѣ, чувствуешь, что изъ глубины души возникаютъ, крѣпнутъ, выясняются какіе-то знакомыя чувства, озаряемыя въ сознаніи, въ ясныхъ словахъ, слышанныхъ еще въ дѣтствѣ:

Какъ на сине море
Да упалъ туманъ.

Вотъ какъ пришлось мнѣ вспомнить и узнать, да, именно узнать, какой глубокій смыслъ скрывается въ простой пѣснѣ русскаго народа!

На другой день утромъ было свѣжо. Туманъ разсѣялся. Кругомъ было видно одно безбрежное море. Я спросилъ капитана, далеко-ли берегъ, и получилъ отвѣтъ, что верстъ 300 въ одну и верстъ 200 въ другую сторону. Дистанція не малаго размѣра,—подумалъ я.

— Не выплывешь, не доплывешь,—добавилъ характерно мой спутникъ Поляковъ.

Нѣтъ большого вѣтра, но день становится пасмурнымъ. Море рябитъ и кажется, что будто кто-то потревожилъ его и оно хотя не гнѣвается, не бурлитъ, но точно насупилось и начинаетъ нервно поводить бровями. Кое-гдѣ показывается бѣлая верхушка гребня волнъ, но скоро исчезаетъ. По временамъ дельфины гонятся за пароходомъ, выскакиваютъ изъ воды, описывая въ воздухѣ крутую дугу, и снова все покойно. Даже мы, пассажиры, стали какъ-то менѣе тревожны, проспавъ всю ночь на койкѣ, которую покачивало изъ стороны въ сторону. Говорится—„привычка—вторая натура." То же самое повторяется и здѣсь. Сначала казалось жутко, страшно, а потомъ какъ-то это опасеніе сглаживается, исчезаетъ, и сидишь себѣ спокойно, любуясь моремъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Константинополь.

Мы проснулись въ 5 часовъ утра, въ силу того же физиологическаго факта, какъ мельникъ просыпается, когда перестаетъ шумѣть вода и колесо мельничное останавливается. Пароходъ нашъ стоялъ. Ни шуму, ни звука. Мы одѣлись и вышли на палубу. По ту и по другую сторону виднѣлись берега, кое-гдѣ свѣтились огоньки, силуэтами виднѣлись кипарисовыя рощи, выдѣлялся острый минаретъ,—ясно, что это входъ въ Босфоръ.

Свѣтало. Карантинная лодка пошла къ берегу въ турецкую таможню. Гдѣ-то запѣлъ пѣтухъ; ему подражая, запѣлъ второй. Черезъ минуту съ бѣлѣющаго минарета поверхъ тумана и воды понесся заунывный голосъ муэддина, призывающій правовѣрныхъ на молитву. Отовсюду вѣяло чѣмъ-то инымъ, новымъ, невиданнымъ и неизвѣданнымъ. Въ такія минуты всѣ чувства какъ-то на сторожѣ: ухо ваше ловитъ каждый новый звукъ, глазъ усиленно всматривается въ каждый новый предметъ, вниманіе стремится всюду.

Только въ 6 часовъ лодка вернулась къ пароходу, и мы двинулись проливомъ къ Константинополю. Туманъ снова густыми полосами налегалъ на насъ и не давалъ возможности видѣть и любоваться прекрасными берегами Босфора, почти сплошь застроенными живописными виллами, оригинальными мечетями и, вѣроятно, грязными лачугами, но издали выглядывающими красивой декораціей. Чрезъ полтора часа хода, какъ-то незамѣтно началъ проходить предъ нашими глазами Царьградъ—Константинополь и завершился, гдѣ мы стали на якорь, тою волшебною панорамою, назвать которую я не подберу подходящаго выраженія.

На лодкѣ-баркѣ, съ осторожностью, чтобы разные, чуть не разбойники, лодочники не растащили багажа, съѣхали мы на берегъ пристани Стамбула, пройдя тамъ пародію таможни, гдѣ подъ видомъ осмотра паспортовъ и багажа турецкіе чиновники вымогаютъ только свой „бакшишъ.“

Съ узлами въ рукахъ и зонтиками подъ мышкой, по узкой и грязной улицѣ, длинною гурьбой потянулись мы въ гору, чтобы тоннелемъ подняться въ центральную часть города—Перу. Провожатымъ былъ у насъ опытный путешественникъ г. Молчановъ, корреспондентъ газеты „Новое Время“. Съ нѣкоторымъ трудомъ нашли Hotel, въ которомъ дали намъ номеръ въ третьемъ этажѣ, размѣромъ не болѣе четырехъ аршинъ длины и ширины, сырой, продуваемый вѣтромъ и крайне ограниченный мебелью. Позавтракавъ въ ресторанѣ, мы взяли „каваса“ (проводника), коляску и карету и поѣхали осматривать достопримѣчательности города. Мостъ чрезъ Золотой Рогъ мы должны были пройти пѣшкомъ, потому что за проѣздъ, въ два конца, взимаютъ по 3 франка (1 р. 20 к.) съ каждаго человѣка. Перейдя мостъ, зашли мы въ мечеть Селима, (снявши предварительно штиблеты), въ одно изъ прекрасныхъ и громадныхъ зданій этого рода архитектуры. Посреди мечети, поджавъ ноги, сидѣло человѣкъ сорокъ мусульманъ, среди которыхъ, также сидя, громко говорилъ какую-то духовную лекцію одинъ изъ муллъ или монаховъ, служащихъ при этой мечети.

Подъ вліяніемъ путеводителя-книги и командою „каваса“, постепенно переѣзжали и осматривали мы наиболѣе замѣчательныя сооруженія и мѣстности Константинополя. Перечислю изъ нихъ нѣкоторыя:

1) Мечеть новую, гдѣ похоронены султаны: Абдулъ-Меджидъ, его мать и несчастный Абдулъ-Азисъ.

2) Музей древностей.

3) Новую мечеть, только что достроенную и замѣчательную по размѣрамъ и орнаментаціи, быть можетъ только потому, что планъ для нея взятъ, какъ копія, съ великаго храма великаго Константина—св. Софіи.

4) Этнографическій музей старинныхъ турецкихъ одеждъ и преимущественно употреблявшихся янычарами. Надобно замѣтить, что этотъ музей во всѣхъ отношеніяхъ и плохо устроенъ, и плохо содержится.

5) Древнюю цистерну на томъ-же возвышеніи, гдѣ храмъ св. Софіи, со множествомъ колоннъ, означенныхъ цифрою 1001.

И, наконецъ, самое главное и величественное изъ всѣхъ зданій всего міра—это храмъ св. Софіи, построенный 1480 лѣтъ тому назадъ. Великолѣпіе этого храма, его планъ и куполъ такъ громадны и совершенны, что я не знаю, гдѣ можно найти равное въ этомъ родѣ сооруженіе, не смотря на то, что храмъ находится въ запущенномъ состояніи и лишенъ теперь всякихъ внѣшнихъ украшеній. Не-

вѣжественныя руки мусульманъ сокрушаютъ дорогую античную мозаику, раздавая ее за „бакшишъ" празднымъ путешественникамъ. На хорахъ со всѣхъ трехъ сторонъ храма, между мраморными и порфирными колоннами Іоническаго ордена, устроены мраморныя глухія массивныя перила, на которыхъ высѣчены были барельефомъ большіе четырехконечные кресты, значительно стесанные турками, но явственно видные еще и теперь. Форма ихъ такая:

Въ нишахъ сводовъ, сквозь новую турецкую позолоту, проглядываютъ греческіе лики святыхъ, а въ сводѣ, надъ бывшимъ алтаремъ, сквозитъ ликъ и вѣнецъ Спасителя міра. Въ концѣ лѣвой стороны хоръ, вблизи алтаря, на парапетѣ мраморныхъ перилъ, сохранилась высѣченная греческая надпись, что тутъ былъ тронъ или мѣсто императрицы Ѳеодоры, гдѣ она находилась во время торжественныхъ богослуженій. Полъ внизу и полъ на хорахъ выстланъ такими громадными мраморными плитами, на которыя, повидимому, не дѣйствуютъ ни перевороты, ни столѣтія.

Когда, стоя внизу, окидываете вы общимъ взглядомъ всю внутренность храма, вы видите цѣлую вереницу колоннъ, кругомъ античную мраморную отдѣлку, массу прекрасно распредѣленнаго свѣта, желтоватый свѣтъ верхняго яруса, и надъ всѣмъ этимъ господствующій синій куполъ, точно плавающій въ воздухѣ—такъ онъ прекрасенъ и пропорціоналенъ—васъ невольно охватываетъ глубокое чувство удивленія, переходящее въ прямое благоговѣніе и къ художнику архитектору, создавшему планъ храма, и къ императору, сумѣвшему оцѣнить его и дать средства къ осуществленію. Глядя на эту подавляющую колоссальность храма (80 метровъ кубическихъ=114 аршинамъ), на чудный куполъ, вотъ уже 15 столѣтій возносящійся къ небу, невольно приходишь къ заключенію, что, имѣя подобный образецъ зодчества, позднѣе легче было создавать грандіозные храмы, украшать ихъ многими произведеніями искусства, но громаднѣе по замыслу, артистичнѣе по выполненію, незыблемѣе по математическимъ вычисленіямъ устойчивости—нѣтъ въ Европѣ ни одного храма, ему равнаго. Его не сокрушили даже землетрясенія, отъ которыхъ разсыпались въ прахъ всѣ другія каменныя постройки.

И теперь этотъ храмъ-чудо, созданный христіанскою идеей, въ него воплощенною, христіанскою націей сооруженный,—находится во власти турокъ, болѣе невѣжественныхъ, чѣмъ даже первые завоеватели Византіи, пощадившіе его отъ разрушенія!

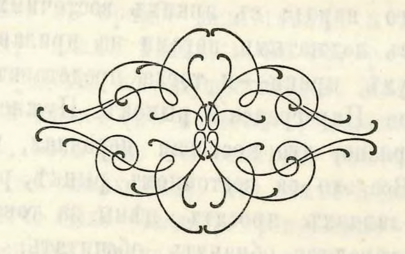
Выходя изъ храма св. Софіи, тотчасъ же попадешь на вторую

знаменитость Константинополя—площадь, гдѣ въ древности производились военныя игры и которая носила громкое названіе ипподрома. На площади и теперь еще стоятъ нѣкоторые, древніе памятники—три разныя колонны. Изъ нихъ первая та, что ближе къ морю, разрушающаяся кирпичная колонна, была сооружена великимъ Константиномъ въ память прекращенія гладіаторскихъ игръ и зрѣлищъ, осуждаемыхъ христіанскою религіей. Вторая колонна, изображающая трехъ перевитыхъ между собою змѣй, подарена была одному изъ греческихъ императоровъ какими-то союзниками за побѣду, одержанную имъ надъ персами. Третья—и самая замѣчательная въ Европѣ—это Египетская игла, поставленная тутъ императоромъ Ѳеодосіемъ. Пьедесталъ иглы находится аршина на два въ землѣ кругомъ окружающихъ зданій, бывшихъ во времена погромовъ и порабощенія Византіи. Сыны своей родины, эллины—греки, нѣкогда интеллигентные, образованнѣйшіе люди, превратившіеся въ униженныхъ и порабощенныхъ, потерявъ свою свободу, утративъ образованность и славу, выродились теперь въ презрѣнную толпу восточныхъ людей до такой степени, что даже другіе восточные народы стали браниться между собою именемъ грека. Такъ неумолимая судьба вертитъ свое колесо, возвышая извѣстное племя, наполняя его славою всю вселенную, разнося его искусства и науки по всему свѣту и потомъ роковымъ образомъ повертываетъ колесо вновь и свергаетъ племя въ ничтожество бытія...

Окончивъ осмотръ наиболѣе замѣчательныхъ зданій, мы пошли на Константинопольскій рынокъ. Нужно представить себѣ длинные, кривые, узкіе ряды лавокъ, полузакрытые съ верху отъ дождя и свѣта, толпу пестраго народа въ яркихъ восточныхъ одеждахъ, продавцовъ, сидящихъ съ поджатыми ногами на прилавкахъ и кальяномъ во рту, говоръ, шумъ, крики—и тогда представите себѣ слабое подобіе того, что такое Цареградскій рынокъ. Нужно ли добавить, что на рынкѣ темно, грязно, что мостовая неровная, что васъ толкаютъ со всѣхъ сторонъ. Все это на восточномъ рынкѣ, разумѣется само собою. Продавцы въ лавкахъ просятъ цѣны за товары втрое дороже, на обмѣнѣ денегъ стараются обмануть, обсчитать.

На другой день, какъ нѣсколько знакомые уже съ топографіей мѣстности, пошли мы пѣшкомъ бродить по главнымъ улицамъ города, любуясь на отдѣльныя новыя зданія и открывающіеся виды и ландшафты. Мало-по-малу мы спустились къ Золотому Рогу и наняли лодку, чтобы покататься на водахъ залива и посѣтить любимое столичное гулянье—Сладкія Воды. Вся грязь и неприглядность остались позади насъ, тамъ, въ этихъ узкихъ улицахъ города,—а тутъ синяя поверхность пролива, масса покачивающихся пароходовъ, безчисленное количество снующихъ по всѣмъ направленіямъ лодокъ, баркасовъ,

яликовъ и кругомъ всего, какъ волшебную картину, обрамляетъ бе-
реговая полоса—рама, украшенная арабесками темныхъ кипарисовъ,
свѣтлыхъ игловидныхъ минаретовъ и, какъ мелкій бордюръ, кирпич-
ныхъ домовъ, въ нестройномъ, но гармонирующемъ безпорядкѣ по
откосу горъ разбросанныхъ. Немного далѣе, на самомъ берегу про-
лива, красуется бѣлый мраморный дворецъ—„Долма-Бахче“—нѣчто,
по своей изящности, изъ ряда вонъ выходящее. Особенность и суть
его красоты составляетъ полное отсутствіе того казеннаго, установив-
шагося въ Европѣ, типа дворцовъ, которые и хороши въ своемъ родѣ,
и однообразны въ тоже время. Въ „Долма-Бахче“ соединена въ
гармоническомъ сочетаніи и античная красота Запада, и легкая при-
чудливая граціозность Востока. Дворецъ, пожалуй, и строгъ въ своихъ
основныхъ формахъ архитектуры, взятыхъ въ цѣломъ, но удивитель-
но разнообразенъ въ деталяхъ, что придаетъ ему такую легкость и
изящество. Онъ, какъ лебедь на водѣ, невольно обращаетъ на себя
вниманіе и какъ-то тянетъ смотрѣть и любоваться на него. И не-
смотря на такую красоту, дворецъ необитаемъ: онъ хранитъ за со-
бою дурную память насильственной смерти султана Абдулъ-Азиса,
совершенной въ прошломъ десятилѣтіи. Оттого-то онъ и пустъ...

Смирна.

12-го марта.

Въ 5 часовъ вечера сегодня пароходъ „Корниловъ“ снялся съ якоря и, обогнувъ мысъ главнаго стараго Стамбула, плавно пошелъ къ Дарданелламъ, оставляя за собою Константинополь. Долго мы не сходили съ палубы, любуясь панорамою, видѣть которую второй разъ въ жизни придется едва-ли. Вотъ удаляется, тускнѣетъ Св. София и приближаются античныя зданія казармъ на Азіатскомъ берегу пролива; вотъ Принцевы острова и Сладкія Воды, а впереди длинный проливъ, именуемый Мраморнымъ моремъ и Дарданеллами.

Звонокъ. Время обѣда. Наступаетъ вечерняя мгла; спускается туманъ.

13-го марта.

Рано утромъ пароходъ остановится при выходѣ изъ Дарданеллъ, подъ пушками Турецкой крѣпости, чтобы предъявить коменданту бумаги и получить пропускъ. Часа черезъ два мы уже идемъ въ началѣ Средиземнаго моря, въ виду береговъ и холмовъ священной Трои, увѣковѣченной Гомеромъ и извѣстной каждому школьнику стараго и новаго свѣта. По правую сторону парохода, круто спускаясь въ море, выглядитъ пирамидою островъ Тенедосъ, на которомъ когда-то:

„Три богини спорить стали“...

А потомъ и потянулись вплоть до Смирны берега и острова греческаго архипелага, окутанные прозрачною эфирною дымкою, если проглянетъ солнце, и одѣтые туманомъ, если небо покроется тучами,

Воздухъ теплый, южный, ласкающій. Но когда подуетъ вѣтеръ и всколыхнетъ проливъ, тогда становится такъ-же холодно, какъ у насъ въ осеннее время. Случается перепадаетъ дождь, но грозы ни разу не было.

14-го марта.

Въ полночь сегодня пароходъ „Корниловъ“ стоялъ на якорѣ на Смирнскомъ рейдѣ. Въ 8 ч. утра мы поѣхали въ городъ осматривать его и покупать на память бездѣлушки. Улицы Смирны и узки, и грязны ни чуть не меньше, чѣмъ въ Константинополѣ. Рынокъ восточный, всемірный. Нашли въ лавкахъ, по рекомендаціи Мордовцева, свѣчи Гомера и по своему усмотрѣнію мастаки, мундштуки; Поляковъ купилъ кадильницу, а я попробовалъ въ заключеніе кальянъ и сдобныя, слащавыя, круглыя лепешки—наши сибирскіе пряжаники, тутъ-же на рынкѣ приготовленные, и далъ себѣ слово ни самому больше не пробовать, ни другимъ не рекомендовать ни кальяна, ни лепешекъ. Дождь поливалъ изрядно, и мы, какъ мокрыя курицы, вернулись на пароходъ обсушиваться и приготовляться къ завтраку. Окрестности города, насколько видно невооруженнымъ глазомъ, живописны и прекрасны. Рейдъ Смирны большой, хорошо защищенъ съ трехъ сторонъ горами и вполнѣ отвѣчаетъ своему мировому назначенію торговаго пункта.

Около полудня „Корниловъ“ снялся съ якоря и пошелъ прямо къ выходу, между длиннаго ряда островковъ, къ открытому Средиземному морю. Съ лѣвой стороны фіорда, недалеко отъ Смирны, чередуются высокія (3000 ф.) причудливыя горы, которымъ приданы названія: „Три сестры“, „Два брата“ и т. д. Съ правой стороны отъ Смирны, далеко уходя заливомъ, протянулась широкая, бѣлая береговая полоса, точно пролитое молоко,—рѣчная прѣсная вода. обильно притекающая въ заливъ послѣ каждаго хорошаго дождя. За этой рѣзко отдѣленною бѣлой полосою виднѣются въ симметрическихъ группахъ, какъ снѣгъ, бѣлые курганы, сложенные изъ осадочной соли. Погода прояснилась; стало тепло и вода въ Средиземномъ морѣ—чистая, прозрачная, необыкновеннаго ляписъ—лазуреваго цвѣта, невольно и по долгу приковывала къ себѣ наше вниманіе. Легкая, боковая зыбь моря едва покачивала нашего „Корнилова“. Необычайно красивыя очертанія горъ и островковъ, одѣтыхъ то во всѣ оттѣнки зеленаго цвѣта растительности, то покрытыхъ синеватою, прозрачною дымкой, со всѣми переходами воздушнаго колорита, то закутанныхъ въ сѣрыя и темныя облака, вѣнчающія острыя верхушки горъ или тихо ползущія по склонамъ и ущельямъ,—вотъ та картина, которая долга ласкала нашъ взоръ въ греческомъ архипелагѣ. Мысль и воображеніе работали усиленно, уносясь въ даль, на эти острова, на верхушки пикъ, бродя по синему морю, вспоминая прошлую исторію народовъ, ихъ быта, вѣрованій, погружаясь въ глубь отдаленныхъ вѣковъ и вызывая оттуда цѣлый сонмъ боговъ и богинь, созданныхъ народнымъ греческимъ геніемъ. И нигдѣ, мнѣ кажется, нельзя яснѣе представлять, глубже чувствовать и переживать исторію древняго, великаго народа, какъ только проходя тѣ мѣста и виды, среди которыхъ онъ жилъ, воспитывался и, создавая, воплощалъ въ произведеніяхъ искусствъ не умирающіе образы разныхъ божествъ, этихъ вещественныхъ символическихъ выраженій, составляющихъ присущую потребность каждому человѣку создать *что-то* выше себя, потому что есть *это* высшее. И каждый родъ, племя, народъ, нація создаютъ эти вещественные символы каждый по своему, но всѣ стремятся къ сознательному или безсознательному, *но Единому*.

Вечеръ. Обѣдъ оконченъ. Мы вышли и уютно усѣлись на кормѣ парохода. Какъ тутъ хорошо было смотрѣть на переливающуюся зыбь моря, на бурлящуюся полосу бирюзоваго оттѣнка, оставляемую слѣдомъ могучаго винта парохода, на чайку, рѣющую въ воздухѣ и на небо, съ котораго свѣтила луна и отражала свой бѣлый свѣтъ съ золотымъ оттѣнкомъ на верхушкахъ мелкихъ волнъ Средиземнаго моря. Тихо и съ наслажденіемъ курилась манильская сигара, выпивался чай, мечталось, говорилось тѣми полусловами, восклицаніями и взглядами, которые и составляютъ всю цѣну такихъ моментовъ. Прошло времени часа два; воздухъ сталъ сырѣе; началъ накрапывать дождикъ и мы съ товарищемъ должны были покинуть это уютное мѣстечко.

15 марта.

Сегодня море и воды островковъ, почти такія-же, какъ и вчера, съ тою разницей, что цвѣтъ воды сталъ еще прозрачнѣе и великолѣпнѣе, да острова пошли только съ одной правой стороны парохода. Налѣво видно открытое Средиземное море, въ дали котораго неяснымъ силуэтомъ вырисовывается островъ Родосъ въ видѣ громаднаго купола. Отсюда уже начинается открытое Средиземное море, по которому потянется нашъ путь прямою линіей до Александріи, на протяженіи 310 миль, или 500 верстъ, или 31 часа времени. Спустя часа два, показалась на морѣ мертвая зыбь, вызвавшая у нѣкоторыхъ пассажировъ морскую болѣзнь. За обѣденнымъ столомъ эта-же болѣзнь произвела между обѣдающими комическое бѣгство въ свои каюты. Рядомъ со мною сидитъ пассажиръ, кушая первое блюдо и нахмуренно гладя свою лысую голову, сердито проповѣдуетъ, что не нужно думать о болѣзни и на полъ-словѣ бросаетъ ложку и бѣжитъ поспѣшно въ свою комнату. Напротивъ меня чинно обѣдаетъ нѣмецкая чета супруговъ, но за вторымъ блюдомъ у супруги блѣд-

нѣетъ лицо, она поспѣшно бросаетъ на столъ салфетку и уходитъ. Нѣмецъ, супругъ храбро заткнулъ за воротъ сорочки салфетку и только что взялъ что-то на вилку, какъ моментально бросаетъ ее на столъ и съ салфеткой за галстухомъ перепрыгиваетъ черезъ барьеръ скамейки и опрометью бѣжитъ въ свою каюту, путается въ драпировкахъ, стучитъ головою въ дверь и скрывается въ каютѣ, производя дорогою извѣстные жесты и движенія. Къ концу обѣда за столомъ остается только 4 человѣка.

Вечеромъ взошла полная, ясная луна и свѣтитъ такъ привѣтливо милліонами золотыхъ переливовъ на мелкой ряби морской поверхности. Рѣдкія, прозрачныя облака плывутъ по воздуху и лунное освѣщеніе придаетъ имъ чарующую, подвижную фантасмагорію. Глядя на все окружающее, невольно думалось: вотъ это то небо и звѣзды, которыя видѣли народъ Израила, его пророка Моисея, Христа Спасителя; это то море, которое носило на своихъ волнахъ историческіе народы. Это небо, звѣзды и море также были велики и необъятны, какими кажутся мнѣ теперь. Звѣзды привѣтливо горѣли на небѣ, море неумолкаемо шумѣло на землѣ и въ своемъ неизмѣнномъ величіи посылали людямъ миръ и успокоеніе. Были-ли люди такими въ прошломъ—на это отвѣчаетъ намъ исторія многими отрицательными явленіями и только внутренній голосъ твердитъ человѣку, кто долженъ быть:

„Миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе".

Александрія.

Вчера поздно вечеромъ, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, подходили мы къ Александріи. Вѣтеръ былъ свѣжій; волны съ бѣлыми гребнями перекатывались по всему морю, и нашъ пароходъ дѣлалъ поклоны во всѣ стороны. На встрѣчу намъ неслась парусная скорлупа—лодка, чтобы дать араба—лоцмана провести между береговымъ рифами пароходъ въ Александрійскій портъ. Нужно видѣть воочію то поразительное искусство и безстрашіе, съ которыми боролась эта лодка съ волнами и еще болѣе ту кошачью ловкость, съ какою лоцманъ вскарабкался на нашу палубу по брошенной ему веревкѣ, что бы по достоинству оцѣнить и эту ловкость, и эту неустрашимость. Пароходъ, управляемый искусной рукою лоцмана, быстро вошелъ въ портъ и сталъ, какъ выражаются моряки, „на бочку".

Вечеръ былъ лунный, теплый. Вода въ портѣ игриво отражала тысячи огней отъ набережныхъ фонарей, отъ судовъ и пароходовъ, стоящихъ на якорѣ. Арабы—лодочники, въ національныхъ, странныхъ костюмахъ, то бѣлые, какъ привидѣнія, съ чернымъ африканскимъ лицомъ и черными босыми ногами, то смуглые и бронзовые, въ длинныхъ балахонахъ, съ обмотанною на головѣ шалью—фескою,—шумно окружали пароходъ, предлагая свои услуги покататься въ портѣ, поѣхать въ городъ. Соблазнъ былъ такъ великъ, что мы не устояли противъ него и, взявши проводника—араба Магомета Багома, говорящаго по-русски, быстро поплыли въ баркѣ къ городской пристани. Въ самомъ городѣ взяли извозчиковъ, прокатились по улицамъ, зашли въ какой-то шумный и многолюдный „cafe", выпить по чашкѣ восточнаго кофе и послушать музыку. Часовъ около 11 тѣмъ же путемъ вернулись мы на пароходъ.

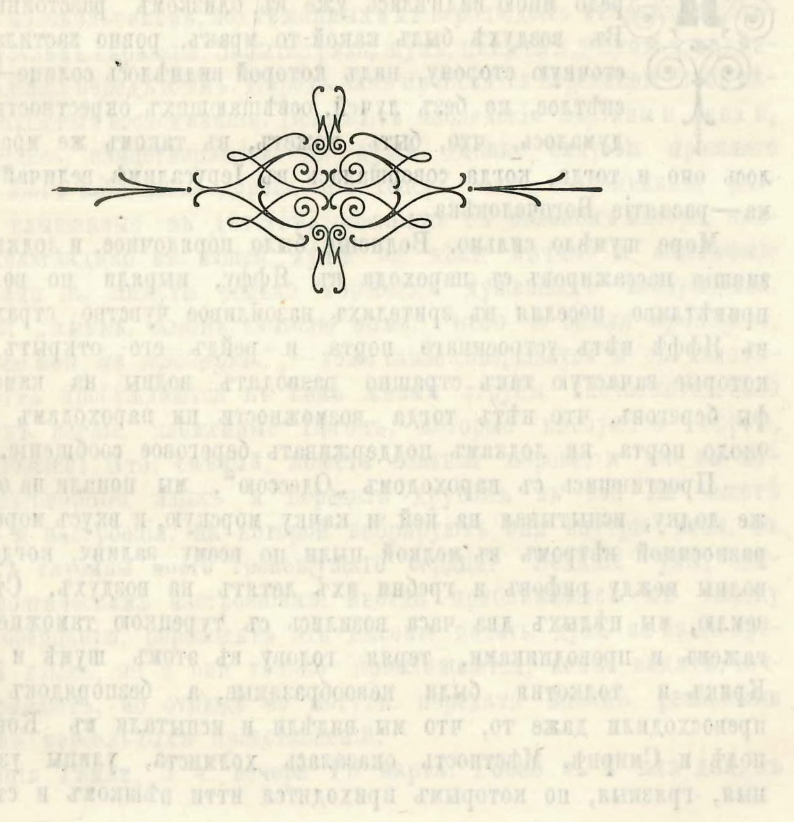
Весь остальной вечеръ прошелъ въ сборахъ и приготовленіяхъ къ переѣзду на пароходъ „Одесса“, идущій отсюда въ Яффу. На другой день мы проснулись часовъ въ шесть, а въ восемь были уже на „Одессѣ“. Этотъ пароходъ значительно меньше „Корнилова“, но не такъ чувствителенъ къ боковой качкѣ. Ровно въ 8 час. мы снова съ тѣмъ-же проводникомъ въ баркѣ—коляскѣ—и въ Александрію. Утро было ясное, теплое; я, пожалуй, прибавилъ-бы, что даже африканское. Александрія послѣ погрома, произведеннаго англичанами, быстро обстраивается и возобновляется. Улицы чистыя, вымощены крупными, ровными, гранитными квадратами. Постройки частныхъ лицъ высокія, стройныя, съ гладкими стѣнами, особеннаго южнаго типа, съ башнями, балконами, но всюду безъ крышъ, въ нашемъ смыслѣ, и окрашены въ свѣтлые тона краски.

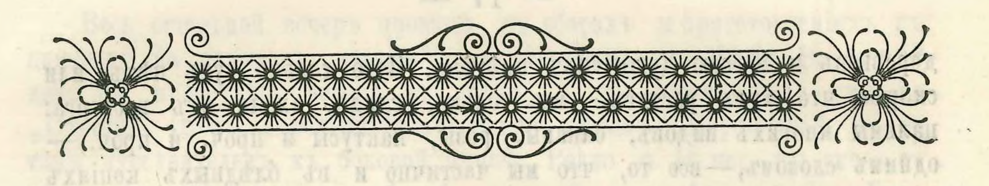
Длинными улицами, по ту и другую сторону которыхъ красовались стройныя пальмы, сочныя мальвы, кактусы и другія деревья, которыхъ я не знаю и названія, но которыя всей структурою ствола и зелени говорили намъ, что мы совсѣмъ въ другой странѣ и климатѣ, даже по сравненію съ нашимъ югомъ, не говоря уже о средней Россіи. Сегодня день Вербнаго Воскресенья и намъ на встрѣчу попадались африканскіе христіане, идущіе въ церковь съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Проводникъ арабъ повезъ насъ съ начала къ традиціонной колоннѣ, поставленной Римскимъ Помпеемъ, а потомъ вдоль богатыхъ арабскихъ кварталовъ, заселяющихъ одинъ берегъ Нильскаго канала. Какъ тутъ все просто и, въ тоже время, необычайно-оригинально! По узкому ложу канала, тихо плаваютъ мѣстныя двухъ-этажныя лодки, на которыхъ устроены скамейки для пассажировъ. По другую, лѣвую сторону канала, тянутся сплошною стѣною убогія глиняныя, съ плоской крышею, жилища феллаховъ. Нерѣдко идутъ гурьбою нѣсколько осликовъ, живописно нагруженныхъ свѣжею зеленою травою, изъ которой едва, едва выглядываетъ кроткая ослиная головка и его большія знаменитыя уши. За ними, или навстрѣчу имъ, идетъ другая толпа феллаховъ, всѣхъ возрастовъ, бѣдная, грязная, босая, отправляющаяся на какую нибудь поденную работу. За жилищами феллаховъ виднѣется желтая песчаная степь.

По правой сторонѣ Нильскаго канала идутъ другія арабскія постройки богатыхъ людей, утопающія въ садахъ, въ ползучей вьющейся по заборамъ зелени и цвѣтахъ. Надъ всѣмъ господствуютъ пальмы стройныя, высокія, прекрасныя. Вотъ протянута улицей высокая, глухая каменная стѣна забора, но она вся покрыта ползучими растеніями, на которыхъ яркими гирляндами блестятъ цвѣты и благоухаютъ розы. Вотъ простой домикъ брата нашего проводника, куда пустили насъ, благодаря его протекціи; за домомъ садъ совсѣмъ другого стиля и характера, чѣмъ наши сады, съ гибкими, тонкими стволами

деревьевъ и массою душистыхъ цвѣтовъ. Чего только тутъ нѣтъ, или скорѣе, что тутъ растетъ,—мы только, глядя, ахали отъ восторга: пальмы многихъ видовъ, бананы, розы, кактусы и проч. и проч.,—однимъ словомъ,—все то, что мы частично и въ блѣдныхъ копіяхъ видимъ у себя въ оранжереяхъ, то здѣсь растетъ на воздухѣ привольно и свободно, какъ все то, что растетъ у себя дома, на родинѣ. Молодой хозяинъ дома привѣтливо предложилъ намъ букетъ изъ розъ и другихъ цвѣтовъ, тутъ-же въ саду срѣзанныхъ.

Отсюда поѣхали мы осматривать Королевскій садъ, по роскоши растительности и красотѣ расположенія превосходящій всѣ сады, когда либо нами видѣнные.

Яффа и дорога къ Іерусалиму.

Я только что выглянулъ на площадку парохода, какъ передо мною виднѣлась уже въ близкомъ разстояніи Яффа. Въ воздухѣ былъ какой-то мракъ, ровно застилающій восточную сторону, надъ которой виднѣлось солнце—круглое, свѣтлое, но безъ лучей, освѣщающихъ окрестность. Такъ и думалось, что, быть можетъ, въ такомъ же мракѣ видѣлось оно и тогда, когда совершалась въ Іерусалимѣ величайшая драма—распятіе Богочеловѣка...

Море шумѣло сильно. Волненіе было порядочное, и лодки, перевозившія пассажировъ съ парохода въ Яффу, ныряли по волнамъ, непривѣтливо поселяя въ зрителяхъ назойливое чувство страха. Вѣдь, въ Яффѣ нѣтъ устроеннаго порта и рейдъ его открытъ вѣтрамъ, которые зачастую такъ страшно разводятъ волны на каменные рифы береговъ, что нѣтъ тогда возможности ни пароходамъ держаться около порта, ни лодкамъ поддерживать береговое сообщеніе.

Простившись съ пароходомъ „Одессою", мы попали на одну такую же лодку, испытывая на ней и качку морскую, и вкусъ морской воды, разносимой вѣтромъ въ мелкой пыли по всему заливу, когда бьются волны между рифовъ и гребни ихъ летятъ на воздухъ. Ступивъ на землю, мы цѣлыхъ два часа возились съ турецкою таможней, съ багажемъ и проводниками, теряя голову въ этомъ шумѣ и суматохѣ. Крикъ и толкотня были невообразимые, а безпорядокъ и грязь превосходили даже то, что мы видѣли и испытали въ Константинополѣ и Смирнѣ. Мѣстность оказалась холмиста, улицы узкія, темныя, грязныя, по которымъ приходится итти пѣшкомъ и сталкиваться со встрѣчными, то съ осломъ, нагруженнымъ корзинами, то съ караваномъ верблюдовъ, мягко и широко выступающихъ и составляющихъ собою непрерывную цѣпь—обозъ, плавно покачивающійся на ходу съ боку на бокъ. Съ грѣхомъ, бранью и раздраженіемъ собрались мы въ „Hotel Hovard" и, хорошо позавтракавъ и хорошо погулявъ въ частномъ апельсинномъ саду, забыли всю эту передрягу, которая волновала и раздражала насъ во все это несчастное утро до глубины возмущеннаго сердца. Кругомъ насъ благоухаютъ цвѣтущія апельсинныя и персиковыя деревья; зрѣлые плоды апельсиновъ и лимоновъ выглядываютъ на кустахъ и, слегка качаемые вѣтромъ, балансируютъ въ воздухѣ на гибкихъ вѣткахъ вскормившаго ихъ дерева. Наркотическій запахъ лимоннаго цвѣта пріятно щекощетъ обоняніе. То тамъ, то сямъ, точно сторожевые пикеты, рѣютъ въ воздухѣ, высокія пальмы, покачивая рѣдкими, но гибкими, какъ сталъ, листьями и гигантскіе кактусы стойко стерегутъ каждый садъ, составляя собою живую изгородь. Пріятно гулять въ такомъ саду, любоваться южною природой, смотрѣть на колышущуюся зелень сосѣднихъ садовъ, на Яффу, расположенную на высокомъ холму и такъ красиво выглядывающую, на острый минаретъ мечети и прислушиваться къ отдаленному гаму восточнаго базара, къ реву осла, меланхолическому звуку маленькихъ колокольчиковъ, подвѣшанныхъ къ верблюдамъ отправляющагося въ Іерусалимъ каравана. Забыта грязь, шумъ, нищета и лохмотья, видѣнные за полчаса передъ этимъ. Передъ вами проносятся вереницею глубь вѣковъ, религіозныя воспоминанія. Возстаютъ библейскія картины и лица и, ярко озаряясь, олицетворяются въ душѣ дивные силуэты прошлаго времени. Богъ мой! какъ дороги они теперь эти воспоминанія разсказовъ, слышанные въ дѣтствѣ, всосанные съ молокомъ матери, врѣзанные неизгладимо въ вашей душѣ на вѣки вѣчные и возстающіе передъ вами въ минуты только хорошихъ душевныхъ возбужденій. Поистинѣ: *„аминь, аминь глаголю вамъ: небо и земля прейдутъ, словеса же мои не прейдутъ"*;—тоже самое совершается и съ человѣкомъ, когда пробуждаются въ немъ живыя струны впечатлительнаго сердца, тѣ перлы, вложенные Богомъ, которые именуются—вѣрою, душею, поэзіей! Кто, смѣлый, можетъ взяться перевести это на ходячій разговорный языкъ и передать другимъ въ той же высотѣ гармоніи и настроенія, на которой вибрируютъ они внутри меня, въ тайникахъ глубины моего трепещущаго сердца? Великіе умы, одаренные поэтическимъ настроеніемъ, иногда приближаются къ такому ясному созерцанію, переводятъ эти высокіе полеты духа на нашъ прозаическій языкъ, но и они только приближаются, яснѣе видятъ, точнѣе описываютъ, но отнюдь не могутъ передать вполнѣ реальными средствами нереальныхъ представленій.

Станція Рамли, 5 ч. вечера 19 марта. Ровно въ 3 часа дня, въ

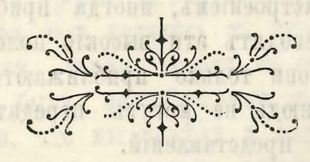
фурѣ—каретѣ, увѣшанной полотняными занавѣсками, запряженной, каррикатурною тройкой лошадей въ дышло, выѣхали мы изъ Яффы въ Іерусалимъ. Сады, огороженные по межамъ колючими кактусами, старыя придорожныя зданія, покрытыя полусферическими сводами точно гигантскіе опрокинутые котлы, одиноко и изрѣдка рѣющія въ воздухѣ пальмы, долго провожали насъ и зз Яффу. Потомъ потянулись пашни, холмы, балки и на нихъ бродящія маленькія стада овецъ. Дождь много разъ то усиливался поливать, то переставалъ совсѣмъ. Дорога—шоссе пролегала всюду каменистая и очень неровная.

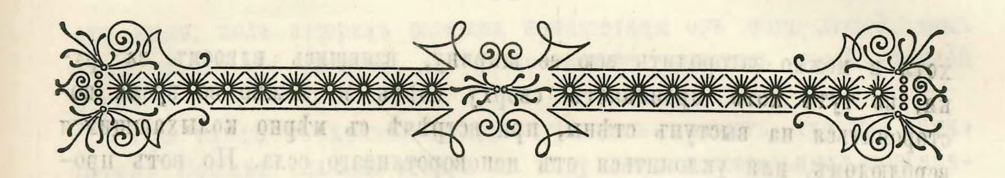
На станціи Рамли—родина Іосифа Аримофейскаго и блаженнаго Никодима. Но кто теперь укажетъ, гдѣ то мѣсто, на которомъ жили эти святые люди, гдѣ тѣ могилы, въ которыхъ покоится прахъ этихъ провозвѣстниковъ истины?

Дальше дорога тянулась грязная, каменистая. Нестройная тройка лошадей едва тащила экипажъ. Станцію 32 версты мы едва осилили въ продолженіи 6 часовъ времени.

20 марта, на разсвѣтѣ, съ западныхъ высокихъ горъ, увидѣли мы Іерусалимъ. Кругомъ, куда только хватало зрѣніе, виднѣлись горы и холмы—голые, безжизненные, унылые. Ни возлѣ дороги, ни на горахъ и ни въ глубокихъ впадинахъ долинъ не видно было ни дерева, ни кустика. Всюду мертво, всюду только голый сѣрый камень. Вѣтеръ бушевалъ страшный; дождь періодически поливалъ, какъ изъ ведра. Городъ показывался намъ мрачнымъ, непріютнымъ, и только высокіе храмы русскихъ построекъ да Омарова мечеть выдѣлялись своими куполами, на которыхъ высились крестъ и полумѣсяцъ.

Экипажъ нашъ остановился у Яффскихъ воротъ. Въ самомъ городѣ улицы узкія, подъемы и спуски крутые, а посему экипажное движеніе тамъ немыслимо. Шлепая по грязи, промокшіе отъ дождя и иззябшіе отъ пронизывающаго вѣтра, пошли мы въ Іерусалимъ отыскивать гостинницу. Задача была не изъ легкихъ, потому что всѣ онѣ были заняты и переполнены путешественниками. Кое какъ нашли мы плохіе номера въ Hotel'я Meditereawn, съ пансіономъ въ 10 франковъ въ сутки съ человѣка.

ІЕРУСАЛИМЪ.

20-го марта.

Іерусалимъ! Какъ много говорящее внутреннему чувству слово! Іерусалимъ, о которомъ каждый христіанскій ребенокъ слышитъ отъ своей матери такіе умилительно-трогательные разсказы, видитъ наглядныя изображенія въ картинахъ земной жизни Іисуса Христа. И этотъ Іерусалимъ, на 49 году моей жизни, въ настоящую минуту предъ моими глазами. Вотъ я, утромъ въ Великую Пятницу, сижу на плоской крышѣ Hotel'я и предо мною открытъ, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, весь настоящаго времени городъ, храмы, развалины; предо мною изъ за-верхушки мечети Омара, на бывшемъ мѣстѣ Соломонова храма, возстаютъ близкія, зеленыя горы—Елеонская, Вознесенія и Искупленія; вотъ тутъ, близко, близко налѣво храмъ Гроба Господня, а справа высится въ своихъ развалинахъ высокая, циклопической постройки, башня Давида, именуемая дворцомъ его имени. Внизу, по улицѣ къ Яффскимъ воротамъ, тянутся процессіи, одна другой шумнѣе и пестрѣе. Повсюду говоръ, шумъ, крики, звуки трубъ, литавровъ и барабановъ. Изрѣдка, періодически, несется колокольный звонъ православныхъ церквей; пронзительно и однообразно звучитъ, раскачиваемый колоколъ католическихъ монастырей и вдругъ весь этотъ аккордъ звуковъ покрывается пронзительнымъ крикомъ привязаннаго ослика. Вздрагиваешь невольно и удивленный не знаешь, какъ и гдѣ сосредоточить свое вниманіе, осмыслить свои впечатлѣнія...

Въ первый-же день пріѣзда, только что отогрѣвшись, пошли мы бродить по городу. Улицы въ немъ до того узки, темны, и грязны; народу толкающаго васъ справа и слѣва такъ много; камни мостовой такъ не ровны,—что диву даешься только, какъ тутъ люди живутъ, какъ тутъ можетъ существовать городъ, да еще такой городъ, какъ Іерусалимъ! Идешь улицею, саженяхъ на 50-ти, гдѣ

хотя и можно загородить всю ее ширину, взявшись вдвоемъ за руки, но тутъ хотя проникаетъ сверху свѣтъ и можно во время посторониться на выступъ стѣны, при встрѣчѣ съ мѣрно колыхающимся верблюдомъ, или уклониться отъ неповоротливаго осла. Но вотъ продолженіе улицы, то подъ сводами, то подъ какой-то крышей. Темно, какъ въ туннелѣ. Свѣтъ едва брезжитъ и только пламя отъ кузнечнаго горна, тутъ-же въ лавкѣ работающаго кузнеца да кухонный очагъ, стряпающаго лепешки араба, вспыхивая по временамъ, играетъ темными движущимися тѣнями на проходящихъ и придаетъ имъ чудовищный, страшный колоритъ. Тутъ уже идешь наугадъ къ выходу, гдѣ все-таки свѣтлѣе, больше воздуху, видны цвѣта красокъ. О какихъ нибудь тротуарахъ на Іерусалимскихъ улицахъ и помина нѣтъ; всякая улица по рельефу прямое ложе для стока дождевой воды и грязи.

Кругомъ пестрая толпа народа со всего свѣта: то яркая, оригинальная и грязная, то одѣтая въ темные цвѣта нашего сѣвера, то въ бѣлыхъ тюрбанахъ и полосатыхъ бедуинахъ, — запружаетъ улицы и переулки. И надъ всѣмъ этимъ носится, какъ пыль въ воздухѣ, неумолкаемый говоръ, шумъ, крики, звуки рожковъ и пронзительныя выкрикиванья мальчишекъ.

Повернувъ нѣсколько разъ изъ одной улицы въ другую, вдругъ очутились мы предъ храмомъ Гроба Господня. Это случилось, какъ то вдругъ, такъ что мы встрѣтили какъ что-то неожиданное, невѣроятное, а между тѣмъ именно и шли къ этому храму. На площади передъ нимъ кучами толпится народъ, покупая тутъ-же разложенные продавцами —свѣчи, образа, четки, крестики и т. п. Дверь въ храмъ открыта. Съ трепетомъ, съ замираніемъ сердца, переступаешь порогъ храма и, готовый даже ко всему диковинному, невольно все-таки поражаешься и нѣмѣешь передъ тѣмъ, что встрѣчаешь тамъ съ перваго-же шага, рядомъ со святынями, предъ которыми трепетно гнутся ваши колѣни. Вотъ налѣво, внутри храма, въ глубокой нишѣ, разложены ковры и на нихъ сидятъ по восточному обычаю два турка, намѣренно и съ бьющимъ въ глаза эффектомъ курятъ кальянъ. Вотъ далѣе стоитъ рядъ турецкихъ солдатъ съ заряженными ружьями для охраны порядка между самими христіанами разныхъ вѣроисповѣданій, съ ненавистью относящимися къ другимъ соперничествующимъ христіанамъ. Продавцы съѣстного толкаются между усердными богомольцами, ночующими въ храмѣ. Турецкія фески, арабскіе тюрбаны мелькаютъ и шмыгаютъ по церкви, какъ по рынку. Дѣти играютъ между собою съ шумомъ и гамомъ. Кучка гидовъ, разсорясь между собою возлѣ самой часовни Гроба Господня, затѣваетъ драку, прекращенную солдатомъ и монахомъ, надававшимъ въ свою очередь вѣсскихъ ударовъ буянамъ. Внутреннія стѣны храма темны

отъ пыли; полъ засоренъ разными нечистотами отъ ногъ людей, такъ какъ никто не хочетъ, да и не можетъ очистить своей грязной обуви.

При входѣ въ храмъ, минуя курящихъ кальянъ турокъ, прямо передъ Вашими глазами стоятъ на полу шесть колоссальныхъ подсвѣчниковъ—даръ христіанскихъ націй и городовъ, между которыми горятъ неугасимыя лампады, освѣщая блѣднымъ свѣтомъ лежащую на полу каменную плиту, на которой, по преданію, омывали тѣло Богочеловѣка. Поворачивая налѣво къ западному овалу храма, виднѣется на полу мраморный кругъ, означающій мѣсто, гдѣ стояла Божія Матерь во время крестнаго страданія Ея Божественнаго Сына. Отсюда направо высится часовня Гроба Господня, именуемая погречески кувукліею. Входъ въ нее отъ алтаря храма Воскресенія. Все пространство между алтаремъ и часовнею, вся часовня увѣшана лампадами и уставлена громадными подсвѣчниками, въ которыхъ горятъ масло и свѣчи. Часовня раздѣлена на двѣ части. Первая—это придѣлъ Ангела, гдѣ посреди ея стоитъ низкая каменная колонна, внутри которой заложена часть того камня, который отвалилъ Ангелъ отъ гроба. Вторая—это и есть гробъ Господень. Входъ туда низкій и узкій. Воздухъ теплый и спертый. Пространство малое. Войдя туда, вы видите справа въ стѣнѣ двѣ каменныя плиты, составляющія собою двѣ стороны гроба—верхнюю и боковую. Богъ мой, какъ тутъ тѣсно и скромно! Но у васъ дрожатъ ноги, захватываетъ духъ и усиленно бьется ваше сердце! Колѣни ваши сами собою гнутся припасть къ землѣ; голова склоняется долу и молитва,—внутренняя, глубокая, смиренная молитва, безъ словъ и звуковъ, вырывается наружу... О если бы одному, совсѣмъ одному съ запертыми дверями, безъ толкотни и давки, безъ шуму и гвалта рѣжущихъ ухо, провести тутъ часъ времени и внутренно, тихо, сосредоточенно пережить и воскресить въ памяти предъ этими Божественными останками всю поразительную кровавую драму, совершившуюся на этомъ мѣстѣ 18 вѣковъ тому назадъ...

24-го марта.

Сію минуту вернулись мы изъ храма Гроба Господня. Тамъ съ балкона католическаго отдѣленія видѣли и слышали мы ихъ торжественную литургію. Какъ у нихъ чинно и благоговѣйно совершается богослуженіе и какъ скромно держатъ себя молящіеся, въ сравненіи съ греческими непорядками!

За часовней—кувукліей къ ея западной сторонѣ прислонена другая Коптская часовня, очень скромная по обстановкѣ и очень малая по размѣрамъ. Противъ нея въ капитальной стѣнѣ храма еще Коптская пещерная часовня, въ которой обрѣтаются нѣсколько могилъ св. угодниковъ.

Поворачивая въ храмѣ направо, входишь поочередно въ часовни—сиріанъ, армянъ и католиковъ. У первыхъ находится святыня: гробъ Іосифа и Никодима, а у послѣднихъ часть гранитнаго столба, у котораго бичевали Іисуса Христа. Еще далѣе, по лѣстницѣ, спускающейся внизъ, глубокій входъ въ пещеру-церковь, гдѣ былъ найденъ Животворящій крестъ царицею Еленой.

Занимая значительную центральную часть храма, устроенъ большихъ размѣровъ православный алтарь, на подобіе большого куба. Съ правой стороны его, на возвышеніи и на томъ мѣстѣ, гдѣ была Голгофа, находятся православная и протестантская часовни, подъ именемъ Голгофы, гдѣ въ пятницу Страстной недѣли поочередно совершаются торжественныя службы—сиріанъ, коптовъ, армянъ, протестантовъ и католиковъ.

Прибавить-ли мнѣ о томъ, что храмъ Гроба Господня раздѣленъ, размѣрянъ на разныя отдѣленія, которыми завѣдываютъ и распоряжаются разныя вѣроисповѣданія, точнѣе говоря, нѣкоторые эксплоатируютъ ихъ съ полнымъ оскорбленіемъ религіознаго чувства. Кто могъ-бы допустить, что католики отгородили себѣ налѣво отъ кувукліи пять колоннъ и нишъ между ними во всю вышину храма, и при каждой религіозной церемоніи продаютъ ихъ болѣе или менѣе за высокую цѣну, смотря по удобству мѣста, не разбирая, кто ихъ покупаетъ. Такъ, случайно пришлось намъ замѣтить лѣстницу, ведущую на средній ярусъ боковыхъ колоннъ и мы вошли туда, заплативъ предварительно значительный „бакшишъ", и заняли лучшее мѣсто за рѣшеткою, гдѣ приготовлены были по турецкому обычаю тюфяки и подушки. Видъ оттуда, въ первый день Пасхи, на пышную и стройную службу католиковъ, былъ поистинѣ чудный, но, не могу не прибавить, нѣсколько и театральный. Органъ съ его торжественными звуками, стройное хоровое пѣніе, колеблющееся пламя тысячей зажженныхъ свѣчъ собравшихся, медленное, торжественно-внушительное шествіе духовенства, однимъ словомъ, вся эта, цѣликомъ взятая, необычайная картина—жанръ, производила на насъ неизгладимое впечатлѣніе.

Приглядываясь сверху на кувуклію, какъ-то сразу замѣчаешь, что верхній карнизъ передняго фасада этой часовни опять таки раздѣленъ на три разныя религіозныя орнаментаціи. На средней католической, возвышающейся надъ двумя другими, большое количество лампадъ, большая выпуклость и рельефность украшеній и наверху господствующій крестъ, съ эмблемою угрожающей руки, поднятой у подножія его. По правую сторону, на углу часовни, устроено подобно католическому, греческое отдѣленіе—орнаментація, но меньшаго размѣра и съ меньшими украшеніями. На лѣвой сторонѣ виднѣется протестантское отдѣленіе, выдающееся большей простотою украшеній и большей массивностью господствующаго на верху креста, противъ двухъ соперничающихъ вѣроисповѣданій.

Въ греческомъ отдѣленіи, гдѣ живетъ, по-домашнему, ихъ духовенство, идетъ ничѣмъ нескрытая продажа поминовенія по усопшимъ, съ произвольною таксою цѣнъ; дается виднымъ и богатымъ людямъ привѣтъ, благословеніе, удобное мѣсто на диванахъ, подносится кофе, вино, букеты цвѣтовъ; а бѣднякъ, благоговѣйно приближающійся съ трудовымъ принесеннымъ изъ Россіи рублемъ, удостаивается только принятія отъ него этого рубля, что-бы небрежно положить его въ широкій карманъ, широкаго кафтана и потомъ нецеремонно выпроваживается вонъ. Идутъ въ полъ-голоса переговоры о задаткѣ на какія-то квитанціи, о которыхъ пройдоха-странница многозначительно напоминаетъ архимандриту: „такъ-же какъ въ прошлый разъ: вѣдь я не впервые", а онъ отвѣчаетъ ей: „знаю. знаю, будетъ сдѣлано". Или приноситъ служка, раздававшій мѣста въ храмѣ любопытнымъ и богомольцамъ, горсть серебряныхъ монетъ и сдаетъ ихъ въ тотъ-же широкій карманъ архимандрита. Вотъ входитъ, видимо, богатая чета, архимандритъ поспѣшно встаетъ дать ей благословеніе и, получивъ золотую монету, хлопотливо распоряжается дать ей удобное мѣсто для присутствованія при церковныхъ процессіяхъ.

Осматривая храмъ, я разговорился съ нашимъ православнымъ мужикомъ Харьковской губерніи, который, глядя на все это, со вздохомъ и сокрушеннымъ сердцемъ, сказалъ мнѣ слѣдующее: „Вѣдь, насъ, русскихъ, бываетъ тутъ каждый годъ до 100 тысячъ душъ и никто-то изъ насъ меньше 100 р. не принесетъ. Вѣдь, на эти деньги золотомъ можно бы покрыть весь храмъ внутри и снаружи, а тутъ посмотрите-ка"... И онъ повелъ пальцемъ по колоннѣ, на которой густымъ слоемъ лежала пыль, до такой степени черная, что она рельефно осталась полосою даже на загрубѣлой и грязной рукѣ нашего простолюдина.

Что прибавить къ этому?..

По пріѣздѣ въ Іерусалимъ, я на другой-же день три раза ходилъ къ греческому патріарху для передачи ему рекомендательнаго письма и испрошенія протекціи на полученіе удобнаго мѣста при пасхальныхъ церемоніяхъ въ храмѣ Гроба Господня. Увидѣвъ его въ пятницу на страстной недѣлѣ и получивъ неопредѣленное обѣщаніе, я отправился прямо въ храмъ въ греческое отдѣленіе, гдѣ принимаютъ деньги на поминовеніе отъ русскихъ паломниковъ, гдѣ пьютъ, ѣдятъ, курятъ и, говоря проще, живутъ какъ дома. Здѣсь-то намъ греческій архимандритъ и устроилъ мѣсто отдыха, во время антрактовъ, между торжественными службами, совершаемыми въ этотъ день всѣми христіанскими церквами—сиріанами, коптами, протестантами, католиками и греками. Намъ данъ былъ опытный кавасъ—

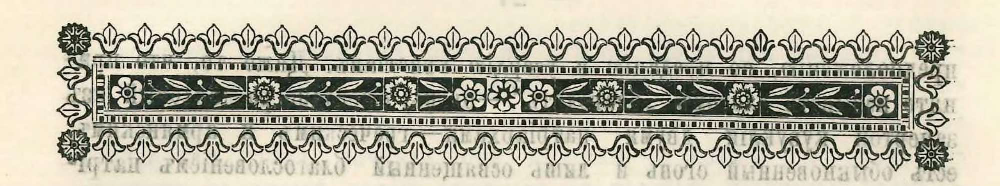
проводникъ и устраивалъ насъ на лучшія мѣста при каждомъ очередномъ богослуженіи, начинающемся у своей національной обособленной часовни и потомъ процессія, длиннымъ крестнымъ шествіемъ, обходила весь храмъ, начиная отъ кувукліи и кончая Голгофою, устроенною на высотѣ одного этажа въ въ предѣлѣ греческаго храма—часовни. Каждое вѣроисповѣданіе выставляло проповѣдника, произносящаго рѣчь на томъ языкѣ, на которомъ совершается служба и лишь католики избѣгали исполнять этотъ обычай: проповѣдь у нихъ говорилась по-французски. Каждое вѣроисповѣданіе въ своемъ богослуженіи имѣло свою оригинальность, свою духовную красоту, но каждое на нашъ взглядъ имѣло и свои недостатки. Наиболѣе замѣчательно по своей стройности и оригинальности было богослуженіе сирійское и проповѣдь на чистомъ древне-арабскомъ языкѣ. Католическое богослуженіе выдѣлялось замѣчательной стройностью пѣнія, порядка, но въ своихъ формахъ, въ особенности реализмомъ символа снятія тѣла Христова съ креста, впало въ крайне театральную декорацію. Греческое богослуженіе, видное, богатое по внѣшности, страдало отсутствіемъ единства и порядка въ шествіи процессіи, и въ особенности страдало сбивчивымъ пѣніемъ своего хора. Даже знаменитое греческое *кирiеэлейсонъ*, благодаря безпорядочности хора, не производило того впечатлѣнія, какое отъ него ожидалось. Одинъ лишь патріархъ Никодимъ, видный, хорошо образованный, былъ на своемъ мѣстѣ и умѣлъ справляться съ своей задачей.

Всѣ эти службы, всѣхъ пяти вѣроисповѣданій, заняли время отъ 3 часовъ дня до 1 часа ночи. Греки-же имѣли ту особенность, что начавъ службу у кувукліи, продолжали ее на Голгофѣ; перешли потомъ къ камню „омовенія“ и обойдя его три раза пе „посолонь“, а противъ солнца, выставили наконецъ хорошаго проповѣдника, сказавшаго превосходную по интонаціи рѣчь на какомъ-то восточномъ языкѣ.

Присматриваясь ближе ко всѣмъ памятникамъ Іерусалима, его святынямъ, находящимся въ вѣдѣніи разныхъ вѣроисповѣданій у Гроба Господня, какъ-то невольно, подъ конецъ обзора задаешь себѣ вопросъ: „Правда-ли? Такъ-ли это? Тотъ-ли подлинно, вотъ тотъ камень, та плита, которые положены и охраняются съ небрежностью, въ пыли и прахѣ, но съ такимъ страхомъ и любовью лобызаемые православными поклонниками“? И, не имѣя доказательствъ, подтверждающахъ это, съ тревогой вновь и вновь спрашиваешь себя: „Правда-ли“? Подъ такимъ впечатлѣніемъ я, разговаривая съ архимандритомъ, коснулся косвенно мучившихъ меня вопросовъ и получилъ осторожный, но категорическій отвѣтъ, что въ храмѣ Гроба Господня безспорныя, всѣми признанныя, только двѣ святыни—это точное мѣсто Гроба Господня и такое-же точное мѣсто Голгофы. Все же остальное воспроизведено по

предположенію, по преданію и усердію христіанъ. Даже то, что принято называть словомъ „благодать“—огонь, ежегодно раздаваемый изъ запертой кувукліи двумя патріархами—греческимъ и армянскимъ, есть обыкновенный огонь и лишь освященный благословеніемъ патріарха, получаетъ значеніе благодатнаго огня.

ВИѲЛЕЕМЪ.

Идя по скорбному пути „Via Dolorosa“, по которому влекли Христа на мученіе и смерть, вамъ указываютъ домъ Св. Вероники, домъ богатаго и убогаго и наконецъ знаменитое окно надъ аркою, перекинутою черезъ улицу, изъ котораго было произнесено вѣчное слово: „Ecce homo!“ На этомъ мѣстѣ католическій монастырь, внутри котораго сохраняется древняя гранитная стѣна, у которой будто-бы Христосъ стоялъ, стрегомый стражею.

Въ окрестностяхъ Іерусалима каждое мѣсто и камень, каждая гора—есть памятники священной исторіи ветхаго и новаго завѣта. Куда бы вы ни ступили, вездѣ и всюду васъ поражаютъ историческіе древніе памятники, съ которыми каждый христіанинъ знакомъ изъ священныхъ книгъ со временъ своего дѣтства.

Въ двухъ часахъ пути отъ Іерусамима находится Виѳлеемъ, гдѣ родился І. Христосъ и гдѣ поклонились ему волхвы, принеся въ даръ золото, ладанъ и смирну.

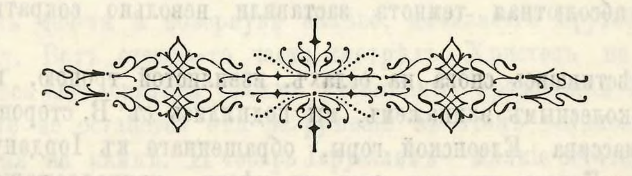
Дорога туда пролегаетъ по дурному шоссе и болѣе удобна для верховой, чѣмъ экипажной, ѣзды. Ближайшія окрестности къ Іерусалиму около этой дороги—каменистыя, угрюмыя, пересѣченныя оврагами и холмами. Всюду пусто и мертво. И только въ глубинѣ лощинъ, виднѣется порою огонекъ—признакъ убогаго жилья арабовъ, или пещеры пастуховъ, стерегущихъ свои стада овецъ. По дорогѣ попадаются пѣшіе люди, ѣдущіе на ослахъ и изрѣдка монотонно звучитъ хоръ колокольчиковъ, подвѣшанныхъ къ верблюдамъ медленно идущаго каравана.

Съ половины пути къ Виѳлеему начинаются болѣе высокія горы и болѣе живописныя панорамы, чѣмъ вблизи Іерусалима. Налѣво, на

высокомъ холмѣ, ярко горитъ, освѣщенное заходящимъ солнцемъ, бѣлое зданіе католическаго монастыря. Это то мѣсто и холмъ, съ котораго вознесся на небо пророкъ Илія. Немного далѣе, направо отъ дороги, виднѣется старое, съ острымъ куполомъ, зданіе, называемое могилою Рахили. Еще далѣе глубокая, древняя цистерна, современная жизни Богочеловѣка. А потомъ, за пологимъ, но высокимъ холмомъ, начинается Виѳлеемъ, строенія котораго, на южную сторону, раскинуты красивымъ амфитеатромъ. Церковь, гдѣ находится великая святыня христіанства, — пещера Рождества Христвва,—построена царемъ Константиномъ и поразительна по своей красотѣ и величественности. Мы были тамъ въ Великую Субботу около 4 часовъ вечера. Шла служба. Вся церковь была наполнена женщинами въ бѣлыхъ покрывалахъ и это придавало-бы богослуженію особенный, поэтично—благоговѣйный отпечатокъ, если-бы не портило такое впечатлѣніе нестройное церковное пѣніе да неугомонная игра дѣтей, совершающаяся безнаказанно. Подъ алтаремъ церкви, на глубинѣ полутора десятковъ ступеней, находится то мѣсто, гдѣ родился Христосъ, гдѣ были ясли, въ которыхъ Онъ возлежалъ и тотъ выступъ скалы, куда принесены были Ему дары волхвами!

Съ выдающагося мыса, заключающаго собою поселеніе Виѳлеема, открывается поразительно красивый видъ на дальнія, укатанныя въ синеву, горы Мертваго моря, а подъ ногами глубокія ущелья, теряющіяся въ дали и надъ всѣмъ, поднимаясь зеленѣющими уступами къ верху, господствуетъ Виѳлеемъ, давая собою чудную перспективу восточнаго типа построекъ.

Уже стемнѣло, когда мы возвращались въ Іерусалимъ. Чѣмъ дальше шла дорога, тѣмъ все становилось темнѣе. Лошади шли ускореннымъ шагомъ. Предметы и камни начали принимать фантастическіе силуэты. Становилось жутко и на сердцѣ начали „скрести кошки“. Закричитъ-ли стономъ оселъ, звякнетъ-ли неуклюжая цѣпочка верблюда, защелкаетъ ли какая-то вечерняя птица, все такъ и кажется: „что это“? „кто это“? Но вотъ блеснули въ темнотѣ ночной огни въ Іерусалимѣ, взвилась къ небу пущенная кѣмъ-то ракета; сдѣланы еще два три подъема, два три спуска и мы у Яффскихъ воротъ; мы наконецъ дома,—въ Іерусалимѣ.

Елеонскія горы.

24-го Марта.

Сегодня поѣхали мы на ослахъ на Елеонскія горы. Минуя Яффскія ворота, мы обогнули значительную часть Іерусалимской стѣны, спустились косогоромъ къ подошвѣ Кедронскаго потока и поднялись тропою на половину Елеонской горы, по направленію къ южному, крутыми террасами, спускающемуся въ долину, мысу. Тамъ, среди известковыхъ камней и впадинъ, проводникъ—кавасъ остановилъ наше вниманіе, что тутъ находится могила св. Лазаря. Мы сошли съ ословъ и полѣзли по крутой и узкой лѣстницѣ въ каменную двухъэтажную могилу—пещеру. Глубокая, сѣдая старина вѣетъ отъ всего насъ окружающаго: большіе почернѣвшіе камни стѣнъ, стертыя ступени лѣстницъ, узкіе проходы, гдѣ нужно зачастую чуть не ползкомъ пробираться къ самому мѣсту могилы и спертый теплый воздухъ —все и вся дѣйствуютъ на наше воображеніе какимъ-то грустнымъ настроеніемъ. Восковыя свѣчи, зажженныя при входѣ въ склепъ, слабо освѣщали спускъ, и темное пространство впереди казалось намъ какой-то черной бездной, куда спускаться было очень страшно. Мы остановились, наконецъ, подъ низкими сводами могилы, гдѣ виднѣлась только пыльная земля и небольшое углубленіе да каменныя известковыя стѣны, накрытыя овальнымъ сводомъ. Поклонившись св. мѣсту, мы поскорѣй пошли обратно на свѣжій воздухъ, — затхлый запахъ и абсолютная темнота заставили невольно сократить время осмотра.

Размѣстившись снова на ослахъ, извилистой тропою, гдѣ нельзя проѣхать колеснымъ экипажемъ, мы поднялись съ В. стороны на темя средняго массива Елеонской горы, обращеннаго къ Іордану и Мертвому морю. Кавасъ привелъ насъ къ мѣсту, принадлежащему теперь

Палестинскому обществу, гдѣ архимандритъ Антонинъ соорудилъ замѣчательную церковь, маленькій виноградникъ и садъ въ Палестинскомъ смыслѣ, въ которомъ нѣсколько пальмъ составляютъ его главное украшеніе. Все тутъ ново на руинахъ и могилахъ старыхъ, о которыхъ краснорѣчиво говоритъ музей—могила, устроенный подъ сводами алтаря изъ костей и череповъ усопшихъ отшельниковъ, а можетъ быть, и узниковъ, замученныхъ гонителями христіанскаго ученія.

Мы прошли въ церковь, еще тогда недостроенную, поднялись на колокольню и ахнули отъ восторга, глядя на видъ, оттуда намъ открывшійся. Вонъ виднѣется синяя матовая овальная полоса Мертваго моря, изъ за которой глядятъ на насъ скалистые, безжизненные берега его, кажущіеся издали, въ маревѣ прозрачнаго тумана, такими красивыми, что глазъ оторвать отъ нихъ не хочется. Вонъ р. Іорданъ, выглядывающая едва замѣтною голубою лентой между впадинъ и холмовъ, примыкающихъ къ Мертвому морю. А вонь, около низкаго холма и мѣсто, гдѣ, по преданію, принялъ крещеніе Іисусъ Христосъ и гдѣ гласъ свыше благовѣстилъ людямъ: „Се есть сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благовѣстихъ“.

И видъ ландшафта, и мѣста священныя, связанныя съ дорогими каждому христіанину воспоминаніями, разсматривались нами съ душевнымъ трепетомъ и благоговѣніемъ. Читая евангеліе, слушая разсказы очевидцевъ этихъ мѣстъ, воображеніе наше рисовало намъ и очертанія Іудейскихъ горъ, и видъ долинъ Іерусалимскихъ въ иномъ расположеніи и освѣщеніи, чѣмъ предстоятъ они на яву теперь предъ нашими глазами. Одно сознаніе, что вотъ на этомъ мѣстѣ, вонъ на томъ камнѣ, вотъ по этому крутому спуску, быть можетъ, стоялъ, сидѣлъ и ходилъ святыми стопами Спаситель міра; одно это сознаніе, повторяю, даетъ такую цѣну созерцанію, что для него никакая грань не кажется высокою.

Отдохнувъ немного, мы поѣхали на высшую точку горы Вознесенія. Тамъ, въ открытомъ, но огороженномъ высокой каменной стѣною, пространствѣ стоитъ небольшое зданіе, превращенное въ мечеть, куда наваленъ разный домашній скарбъ арабовъ, въ которомъ лежитъ на полу камень шероховатой поверхности, съ котораго совершилось вознесеніе Іисуса Христа на небо. Восторженное благочестіе христіанъ видитъ на камнѣ отпечатокъ босой ноги, оставленной Христомъ Спасителемъ.

Выйдя изъ мечети и повернувъ налѣво, начинается крутой спускъ къ Іерусалиму. Вотъ отсюда-то часто смотрѣлъ Христосъ на этотъ городъ. Здѣсь Онъ сказалъ Своимъ ученикамъ пророческія слова, гласящія, что не останется отъ разрушенія въ этомъ великолѣпномъ городѣ камня на камнѣ. И теперь Іерусалимъ—жалкіе остатки прежняго величія и славы. Его руины, кое—гдѣ подмазываемыя и даже не на-

поминающія своею внѣшностью прежняго блеска, несмотря на жертвы, приносимыя со всѣхъ сторонъ христіанскаго міра. И все-таки городъ, даже теперь, съ Елеонской горы, представляется поразительно красивымъ. Глазъ не хочется оторвать, глядя на живописную картину построекъ, покрытыхъ разнообразными плоскими куполами, среди которыхъ на высокомъ холмѣ, на томъ мѣстѣ и на томъ фундаментѣ, гдѣ былъ храмъ Соломона, гордо красуется Омарова мечеть, а за нею направо, съ двумя куполами, виденъ храмъ Гроба Господня. Да будетъ благословенно имя твое, святой страдальческій городъ, во все грядущее время, какимъ ты былъ до сихъ поръ для всего христіанскаго міра!

По крутому спуску поѣхали мы внизъ и у подножія горы, на лѣвомъ берегу Кедронскаго потока, смотрѣли Гефсиманскій садъ, теперь занятое мѣсто католиками. Въ стѣнѣ каменной ограды этого монастыря указываютъ камень (обломокъ круглаго столба), у котораго привязанъ былъ Христосъ. Въ саду растутъ 8 громадныхъ деревьевъ маслинъ, такихъ древнихъ, что усердіе христіанъ относитъ ихъ ковременамъ земной жизни Христа Спасителя. Садъ разбитъ дорожками на маленькіе квадраты и овалы, въ которыхъ зеленѣютъ и цвѣтутъ душистыя растенія. Монахъ—садовникъ, получая лепты, даетъ желающимъ маленькій букетикъ.

Въ глубинѣ долины того же Кедронскаго потока виднѣется квадратное, сѣро-пепельное, съ плоской крышею, старое зданіе—это храмъ погребенія Божіей матери. Все тутъ вѣетъ глубокой стариною и на всемъ лежитъ древняя печать, которую поддѣлать нельзя и невозможно. Спустившись по 12-мъ ступенямъ въ маленькій дворикъ храма, вы видите направо пещеру, въ глубинѣ которой указываютъ вамъ на мѣсто, гдѣ взятъ былъ стражею Христосъ, что бы итти на судъ Пилата, на крестное страданіе и смерть. По выходѣ изъ пещеры, направо, чрезъ узкія желѣзныя двери, открывается входъ въ храмъ—въ темное глубокое подземелье. Широкая лѣстница съ протертыми 50-тью ступенями, приводитъ васъ въ подземную церковь темную и сырую, но довольно обширную, едва-едва освѣщаемую теплющимися лампадами передъ иконами и горящею свѣчею нашего проводника-монаха. На правой сторонѣ церкви, въ нишѣ глыбы скалы, стоитъ великая святыня—гробъ Пресвятой Богородицы. Среди церкви находится колодецъ—цистерна, съ чистою и вкусною водою. Съ зажженными свѣчами въ рукахъ обошли мы этотъ храмъ, осмотрѣли темныя, влажныя стѣны, поклонились могиламъ Св. Захарія и Анны и вышли изъ храма съ напутствіемъ монаха, отвѣсившаго намъ низкіе поклоны.

Внизъ по Кедронскому потоку, какъ разъ противъ стѣны —

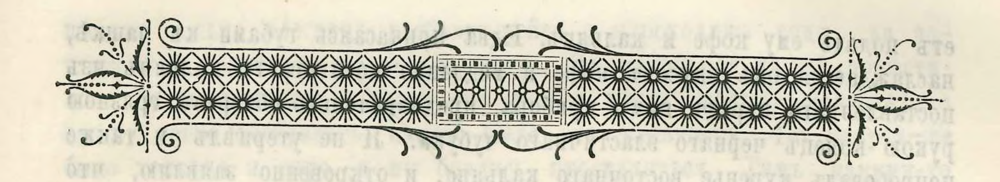
фундамента, бывшаго храма Соломона, стоитъ небольшая конусо-образная башня,—это могила, или памятникъ Авессалому, сыну Соломона, возмутившемуся противъ великаго отца, который на память потомству приказалъ сдѣлать на памятникѣ символъ—угрожающую мечемъ руку. Еще далѣе внизъ, по бывшему теченію Кедрона, виденъ входъ въ пещеру—могилу какихъ-то пророковъ. Отсюда вся нижняя котловина потока называется Іосафатовой долиной, въ которую когда-то „соберутся вси языцы".

Заключеніе.

Кромѣ этихъ окрестностей Іерусалима, которыя были, есть теперь и будутъ еще послѣ, окрестностей неизмѣнныхъ, тѣхъ самыхъ, на которыя такъ же, какъ и я смотрю, смотрѣли древніе народы, ихъ пророки, апостолы, смотрѣлъ на нихъ Самъ І. Христосъ, существуютъ еще развалины, гроты, пещеры, облегающіе весь Іерусалимъ, наполняющіе громкими историческими именами всѣ мѣста, долины и горы. Іерусалимъ настоящаго времени есть жалкій остатокъ, или вѣрнѣе сказать, жалкая деревня, построенная на мѣстѣ и изъ обломковъ прежняго, великаго и великолѣпнаго Іерусалима. Мы, теперь дѣти XIX вѣка, ходимъ по толстому слою мусора, по дорогимъ старымъ мозаикамъ древнихъ сооруженій, засыпавшихъ собою почву древнихъ улицъ, площадей и общественныхъ зданій. Кто теперь докажетъ, что указываемый намъ домъ Пилата—есть домъ Пилата, что камень, на которомъ сидѣлъ, или столбъ, къ которому былъ привязанъ Христосъ,—есть тотъ камень, на которомъ сидѣлъ, или столбъ, къ которому былъ привязанъ Христосъ,—есть тотъ камень и столбъ, на которомъ Онъ сидѣлъ и которому былъ привязанъ? Воистинну, тутъ не осталось камня на камнѣ, и все древнее великолѣпіе, быть можетъ, лежало уже въ руинахъ во времена самого Христа и, безъ сомнѣнія, лежитъ въ пыли и прахѣ, разсыпанное по горамъ, по всѣмъ тѣмъ закоулкамъ, засоренныимъ и запустѣлымъ, которые мы топчемъ теперь нашими ногами! Кругомъ Іерусалима настоящаго времени во всѣ четыре стороны и въ особенности сѣверную указываютъ на многіе признаки, что въ древности городъ занималъ громадную площадь и вмѣщалъ въ себѣ до 2 милліоновъ жителей. Немудрено, по-

этому, видѣть, что Соломономъ употреблены были на основанія внѣшнихъ стѣнъ его храма камни гранита длиною до $1^1/_2$ саж. и толщиною до $1^1/_2$ аршинъ. Весь дворъ занималъ площадь не менѣе одной квадратной версты. Мы, христiане, принявшiе отъ евреевъ всю ихъ дохристiанскую исторiю, всѣ библейскiе событiя, совершавшiяся на этомъ и около этого мѣста, всѣ книги и памятники, сохраненные Израильскимъ народомъ, какъ-то забываемъ это и нерѣдко платимъ имъ нашимъ презрѣнiемъ, преслѣдуемъ ихъ, издѣваемся надъ ними и даже теперь, въ концѣ XIX столѣтiя, не умѣемъ отнестись сколько нибудь терпимо и деликатно къ религiозному чувству еврея. Такъ нашъ проводникъ еврей въ Iерусалимѣ привелъ насъ къ остаткамъ фундамента бывшихъ стѣнъ двора, около храма Соломона, указалъ намъ на подлинные камни того времени съ такою силою благоговѣйнаго чувства къ этой дорогой древности, сквозившаго въ интонацiи его голоса, въ движенiяхъ его жестовъ, въ замѣчанiи, сдѣланномъ имъ, что вотъ этотъ камень—гранитъ, въ знакъ уваженiя, поцѣловалъ Австрiйскiй кронъ-принцъ, и тутъ же рядомъ со мною какой-то туристъ начинаетъ палкою отламывать кусочекъ камня, чтобы положить его въ карманъ, на память. Такой вандализмъ, хотя, быть можетъ, и безсознательный, но прямо бьющiй оскорбленiемъ религiознаго чувства нашего проводника, неуваженiемъ его къ святынѣ, у которой всѣ мѣстные евреи совершаютъ ежегодно свой „плачъ" объ утраченномъ еврейскимъ народомъ величiи,—возмутилъ меня сильно и глубоко.

Египетъ.

Портъ-Саидъ.

Пароходъ „Минерва", принадлежащiй австрiйскому о-ву, переполненный товарами и пассажирами, вчера только въ 9 ч. отошелъ изъ Яффы и сегодня въ 9 ч. утра прибылъ въ Портъ-Саидъ. Ночь была тихая, теплая, звѣздная. Море чуть-чуть колыхалось и почти не качало парохода. Большая Медвѣдица ярко блистала на небѣ; другiя планеты и мирiады звѣздъ, мерцая по всему небосклону, давали ту степень мягкаго южнаго полусвѣта, при которомъ все окружающее точно живетъ и дышетъ...

О Портъ-Саидѣ мало можно сказать интереснаго. Онъ замѣчателенъ только тѣмъ, что устроенъ въ устьѣ Суэцкаго канала, выходящаго въ Средиземное море. Почва береговъ его—желтая, песчаная, выжженная солнцемъ равнина, и въ окрестности его не видно даже ни холмовъ, ни возвышенiй. Все тутъ гладко, ровно и безжизненно. Даже дома и гостинницы Портъ-Саида легкiе, временные, на скорую руку построенные,—вторятъ монотонному пейзажу окрестностей. Около портового рейда всегда такая сильная морская зыбь, что пассажиры пароходовъ клянутъ ее на всѣхъ возможныхъ языкахъ и нарѣчiяхъ.

Какъ всегда, мы пошли бродить по городу, заглядывая въ лавки, прицѣниваясь къ товарамъ и заходя порою въ какое-нибудь кафэ выпить стаканъ содовой воды или чашку кофе. Всѣ подобныя заведенiя въ Портъ-Саидѣ полны народомъ, начиная отъ прiѣзжаго европейца и оканчивая туземнымъ феллахомъ. Въ каждомъ кафэ на видныхъ мѣстахъ стоятъ кальяны, переходящiе отъ одного посѣтителя къ другому. Какой-нибудь арабъ или сирiецъ то въ фескѣ, то въ тюрбанѣ, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица и черными, горящими глазами, медленно садится къ столику и величественнымъ жестомъ приказыва-

етъ подать ему кофе и кальянъ. Едва прикасаясь губами къ чашкѣ, наслаждается онъ вкусомъ кофе и медленно потягиваетъ кальянъ изъ поставленнаго передъ нимъ прибора, предварительно обтеревъ грязною рукою конецъ чернаго эластичнаго чубука. Я не утерпѣлъ и также попробовалъ куренье восточнаго кальяна, и откровенно заявляю, что оно было для меня лишь ново, давало вкусъ чего-то прянаго, трудно уловимаго, да развѣ еще мало отвѣчало гигіенѣ. Можетъ быть, при частомъ употребленіи, кальянъ развиваетъ вкусъ и даетъ вкусовую потребность удовольствія,—вѣдь почему-нибудь принятъ же онъ на всемъ Востокѣ,—но мой опытъ привелъ меня къ отрицательному результату.

Бродя по городу, мы зашли, между прочимъ, въ мѣстную народную школу, гдѣ обучаются грамотѣ дѣти обоего пола. Зданіе школы, если только можно назвать зданіемъ сооруженіе, сплетенное изъ тростника, обмазанное глиной, съ двумя маленькими окнами и съ постоянно отворенной дверью. Въ школѣ ни деревяннаго, ни каменнаго пола нѣтъ, и дѣти, человѣкъ двадцать, сидѣли прямо на землѣ, положивъ учебники на меленькія скамейки. Учитель сидѣлъ на возвышеніи въ переднемъ углу школы, имѣя подъ рукою гибкій, длинный тростниковый стволъ, достигающій до заднихъ рядовъ учащихся, и такъ слушалъ распѣвъ каждаго ребенка. По временамъ ловкимъ движеніемъ онъ билъ лѣниваго или непонятливаго ученика концомъ тростниковой палки, которая, свистя въ воздухѣ, опускалась на спину избранной жертвы. Ученикъ вздрагивалъ, нервно наклонялся къ книжкѣ и начиналъ громче распѣвать заданный урокъ грамоты.

Въ Портъ-Саидѣ нѣтъ окружающихъ красивыхъ береговъ и зелени, придающей жизнь всякому пейзажу. Здѣсь все подѣлено природою лишь на двѣ части—лазоревое море съ одной и низкіе, желтые песчаные берега—и степи, съ другой стороны. Даже Суэцкій каналъ, его портъ, пароходы въ портѣ и каналы не вызываютъ пріятныхъ ощущеній. Стоя въ Портъ-Саидѣ, вы видите среди равнинъ одинъ—другой корпусъ парохода, точно заброшенные въ пескахъ сторожевые пикеты и не видя самаго канала, въ первую минуту, не знаете что это такое. Только потомъ уже, когда оріентируетесь въ мѣстности, или когда подскажутъ вамъ другіе, перестанете удивляться такому, нигдѣ не встрѣчающемуся виду.

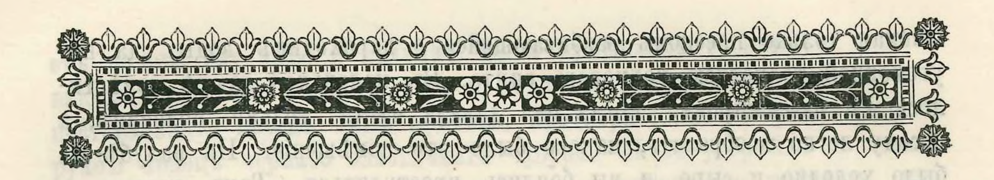
Ровно въ полночь, 31 марта, на маленькомъ почтовомъ пароходикѣ отправились мы изъ Портъ-Саида по Суэцкому каналу. Ночь была темная, безлунная, но звѣзды ярко сіяли, мерцая въ бездонномъ фонѣ неба. Было чувствительно—свѣжо нашей группѣ пассажировъ, одѣтыхъ въ лѣтніе костюмы. Пароходъ быстро, но одиноко двигался каналомъ, который почти сливался съ плоскими песчаными берегами окружающей пустыни. Кругомъ насъ стояла мертвая тишина, нарушаемая только плескомъ разбивающейся о пароходикъ воды, да неугомонной толкотнею кормового винта. Въ маленькой каютѣ помѣстилось 12 пассажировъ, когда она давала мѣста только половинѣ, а посему легко вообразить, каково было это помѣщеніе. На палубѣ-же было холодно и сыро и мы боялись простудиться. Тамъ какими-то судьбами помѣстились двѣ русскія богомолки, ѣдущія на Синай поклониться „Моисеевой памяти да мученицѣ Екатеринѣ“.

Измученные тѣснотою помѣщенія, мы рѣшились выйти на палубу крошки-парохода. Было уже утро и съ каждою минутою становилось свѣтлѣе и свѣтлѣе. Берега канала стали выше и нѣсколько интереснѣе. Появились значительныя выемки, крутые повороты, высокая зеленая трава, окаймляющая воду. На встрѣчу намъ стали попадаться большіе морскіе пароходы, тихо двигающіеся каналомъ, чтобы не дѣлать крупнаго волненія и не потревожить рыхлыхъ песчаныхъ береговъ, легко сползающихъ въ воду по крутымъ откосамъ узкаго канала. Зачастую мы обгоняли пловучія землечерпательныя машины, постоянно очищающія заплывающее дно канала. Каналъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше врѣзывался въ возвышенности, на которыхъ появились европейско-американскіе дома административныхъ лицъ, управляющихъ этимъ всемірнымъ сооруженіемъ. Но вотъ, при крутомъ поворотѣ канала, блеснула большая площадь воды, рѣющіе въ воздухѣ острые и бѣлые паруса египетскихъ лодокъ, а на дальнемъ горизонтѣ, среди песковъ, показался зеленый оазисъ деревъ, между которыми бѣлѣлись постройки и открытыя веранды—это новое озеро морской воды, образовавшееся въ низинѣ путемъ Суэцкаго канала и новый городъ Измаилія.

Было 7 ч. утра, когда нашъ пароходъ остановился у городской пристани.

Начало этого новаго города весьма характерно. Компанія Суэцкаго канала, прежде нежели прокапывать каналъ, провела во всю его длину къ половинѣ разстоянія побочный каналъ прѣсной воды изъ Нила, оросила эту мѣстность, распланировала городъ, засадила улицы деревьями и теперь развился прелестный городокъ Измаилія, построенный по европейскому плану, но утопающій въ роскошной растительности Египта. Улицы города широкія, шоссированныя и чистыя. Всюду проведена арычная вода, масса тѣнистыхъ аллей и ползучихъ, съ яркими цвѣтами растеній. Все это придаетъ Измаиліи необычайную прелесть и выдѣляетъ его среди песчанаго моря пустыни во что-то свѣтлое и радостное.

Желѣзная дорога Измаилія-Каиръ.

Ровно въ полдень выѣхали мы по египетской желѣзн. дорогѣ изъ Измаиліи въ Каиръ. Здѣшняя ж. дорога, имѣя общую всѣмъ дорогамъ конструкцію, отличается въ то же время и нѣкоторыми особенностями. Такъ, вмѣсто деревянныхъ шпалъ лежатъ прямо на пескѣ желѣзныя шпалы. Ни полотна дороги, ни щебня нѣтъ и въ поминѣ. Въ вагонахъ I класса все обито кожей; въ окнахъ, кромѣ стеколъ, деревянныя рѣшетчатыя жалюзи. Жара стояла страшная; мы изнемогали отъ нея, а туземцы преспокойно, и, повидимому, даже не стараясь искать тѣни, ходили, стояли и даже лежали на припекѣ. И что за пестрая толпа людей кишитъ на станціяхъ! Фески, тюрбаны, синія рубахи мужчинъ до щиколки; черныя лица, загорѣлыя груди, босыя ноги, закутанныя въ федры женщины и крикъ, и говоръ толпы, шумящей, выкрикивающей, поющей! Изъ оконъ вагона въ обѣ стороны виднѣлась только голая степь песку, раскаленнаго солнцемъ. Куда ни взглянешь, всюду только желтая песчаная равнина, гдѣ не видно никакой растительности и даже не выдѣляется ни холмовъ, ни камней. Все мертво и молчаливо, нарушаемое только лязгомъ проѣзжающаго поѣзда. Удушливый зной томилъ насъ до полнаго изнеможенія, а жаркіе солнечные лучи, казалось, проникали сквозь стѣны, жалюзи и потолокъ нашего вагона.

На одной изъ станцій приглашенные хлопковымъ торговцемъ Моллесономъ посмотрѣть его фабрику, очищающую хлопокъ, мы рискнули пройти туда на разстояніи саженей ста. И Богъ мой! Какой невыносимый жаръ дышалъ отъ камней мостовой, отъ стѣнъ зданій! Это не тотъ жаръ, какой вы ощущаете, проходя около кузнечнаго горна на механическихъ заводахъ въ нашемъ климатѣ. О, совсѣмъ нѣтъ! Здѣсь обдаетъ васъ жаръ со всѣхъ сторонъ и вамъ некуда отъ него схо-

рониться. Все и всюду нагрѣто и отъ всякой стѣны и забора пышетъ жаромъ, какъ будто сильнѣе даже, чѣмъ печетъ само солнце. Въ полдень солнце стоитъ почти прямо надъ вашими головами, что выражается мѣстнымъ выраженіемъ: человѣкъ теряетъ тогда свою тѣнь.

Осмотрѣвъ бѣгло фабрику Молессона, ничѣмъ, впрочемъ, незамѣчательную, мы вернулись въ вагонъ нашего поѣзда. Подъ окнами его суетились потомки фараоновыхъ рабовъ, разнося на головѣ кувшины и побрякивая стаканами у пояса, звонко выкрикивали: „маія! маія“! (вода, вода), предлагая пассажирамъ чистую рѣчную воду. Жажда томитъ каждаго ѣдущаго въ вагонѣ и онъ жадно глотаетъ воду изъ узкаго горлышка египетскаго кувшина.

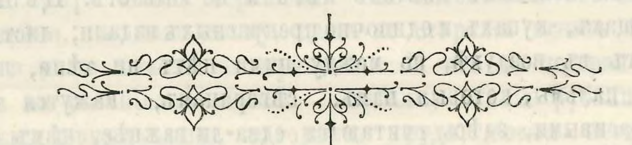
Часа черезъ три ѣзды отъ Измаиліи показалась зеленая полоса оазиса вновь разводимой растительности по ту и другую сторону Нильскаго канала, на всю ширину, какую только въ извѣстное время года можетъ оросить этотъ каналъ или, говоря точнѣе, затопить его на нѣсколько дней. Песокъ этой пустыни, разъ затопленный водою, черезъ 2—3 года, начинаетъ ростить зелень, а еще, орошаемый постоянно, быстро развиваетъ всю чудную египетскую флору, всѣ эти новыя деревья, которымъ иной разъ не знаешь ни имени, ни назначенія. Луговыхъ цвѣтовъ, въ нашемъ русскомъ смыслѣ и значеніи, здѣсь нѣтъ и помину. Тутъ растутъ только розы, олеандры, пальмы, сахарный тростникъ, дивные кусты съ гибкими цвѣтущими побѣгами, —ни луговъ, ни полевыхъ цвѣтовъ нѣтъ и не бываетъ. Цѣлые лѣса пальмъ въ рощахъ, купахъ и одиночно прекрасныхъ издали; листья ихъ поэтично рѣютъ въ воздухѣ, но между ними нѣтъ ни тѣни, ни прохлады. Самыя пальмы, которыя намъ, сѣверянамъ, кажутся такими дивными и красивыми, здѣсь считаются едва-ли важнѣе, чѣмъ считаемъ мы свои сосну и березу. По крайней мѣрѣ, ни въ одномъ городскомъ и ни въ какомъ частномъ культивированномъ саду ихъ нѣтъ; онѣ считались-бы тамъ за слишкомъ ординарныя деревья, не дающія ни тѣни, ни цвѣтовъ. Поневолѣ скажешь здѣсь: о, Господи! какъ условны человѣческія понятія о прекрасномъ у разныхъ расъ и въ разномъ климатѣ!

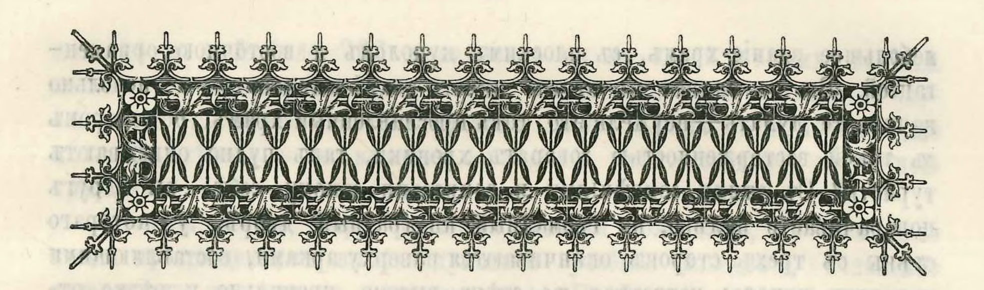
Чѣмъ ближе подвигались мы къ Каиру, тѣмъ оазисъ зелени становился шире, растительность сильнѣе и разнообразнѣе. Но вдругъ подулъ южный вѣтерокъ, здѣсь именуемый „хамишъ“. Вѣтеръ, въ первыя минуты, пошевелилъ по крайней мѣрѣ воздухъ, дотолѣ стоявшій неподвижно и хоть тѣмъ доставилъ намъ, неопытнымъ, обманчивую отраду. Но скоро мы узнали, всю его предательскую сторону. Съ каждою минутой вѣтеръ становился жарче и накаленнѣе, и съ каждой-же минутой нами стала чувствоваться сильнѣе и сильнѣе тончайшая пыль въ воздухѣ. Все было закрыто въ вагонѣ—окна, двери, вентиляторы, но ни что не помогало: мелкій песокъ и тончайшая

пыль проникали всюду. Наше платье, руки, лицо, волосы, вся вагонная обстановка покрылись этимъ убійственнымъ порошкомъ песку и пыли. Стало невыносимо душно и вызывало кашель, потому что пыль проникала въ горло, а „хамишъ" продолжалъ обдавать насъ непрерывнымъ потокомъ пыли.

Но слава Богу, что намъ пришлось испытать еще слабую степень Африканскаго „хамиша". Когда-же онъ подуетъ во всю силу большого вѣтра, а тѣмъ болѣе урагана, во время лѣтняго, еще болѣе жаркаго, сезона, тогда „хамишъ" бываетъ прямо ужасенъ и грозитъ гибелью всякому живому существу, застигнутому имъ въ пустынѣ.

Черезъ какихъ нибудь 30 минутъ времени, вѣтеръ прекратился, и мы открыли въ вагонѣ окна, чтобы любоваться вдали открывающимся видомъ Каира.

КАИРЪ.

Ровно въ 5 ч. вечера, 1 апрѣля, увидѣли мы тонкіе минареты мечетей Каира, сѣробѣловатыя зданія города, между которыми выглядывали красивые вѣера пальмъ. Черезъ четверть часа мы были уже на каирскомъ дебаркадерѣ жел. дороги. Еще минута—другая, и мы ѣдемъ уже въ дилижансѣ гостинницы „Hotel d'Orient". Съ какой жадностью вглядывались мы на толпу людей, снующую взадъ и впередъ по улицѣ, на дома странной архитектуры, хотя въ то же время и улица, и экипажи были европейскаго фасона и только большинство людей, масса ихъ, были другого типа, да сознаніе того, что мы въ столицѣ Египта, на мѣстѣ фараоновъ и пирамидъ, напрягали наше любопытство до высшей степени.

Почти не спавшіе въ предшествующую ночь на пароходѣ, истомленные жарою въ поѣздѣ ж. дороги, мы успѣли только пообѣдать, едва взглянуть съ балкона гостинницы на городской садъ, на шумную улицу и площадь, какъ бросились въ постель и уснули, какъ убитые.

2-го апрѣля, взявши драгомана и ландо, мы поѣхали осматривать городъ и замѣчательныя сооруженія или по своей древности, или по своей особой архитектурѣ.

По длиннымъ, порою даже правильнымъ улицамъ, пріѣхали мы къ мечети Гассана, зданію, наружно полинявшему, но сохранившему полную оригинальность арабскаго стиля. Въ узкія двери, у которыхъ навязываютъ вамъ суконные или камышевые туфли, вы входите въ

небольшое зданіе-храмъ, съ плоскимъ куполомъ и восточною орнаментаціей. Вы не видите въ этомъ ничего замѣчательнаго и невольно начинаете думать—неужели это тотъ прославленный храмъ, о которомъ съ такой восторженностью говорятъ хроники, такъ чудно описываютъ туристы? Съ этими сомнѣніями и вопросами самому себѣ вы вдругъ поворачиваете налѣво, на громадный квадратный дворъ, у котораго стѣны съ трехъ сторонъ оканчиваются наверху арками, составляющими половину купола; четвертая же стѣна высоко, правильно и рѣзко отгораживаетъ прямою линіей небесное пространство. Полъ вымощенъ мраморными плитами; посреди двора струится неумолкаемый фонтанъ, обнесенный кругомъ восьмью тонкими арабскими колоннами, по карнизу которыхъ узорчатой золотой полосою блестятъ изреченія корана. Въ разныхъ мѣстахъ этого двора-храма сидятъ на циновкахъ послѣдователи ислама, совершая обычную молитву. Пройдя дворъ и остановясь подъ аркой-куполомъ, чтобы окинуть общимъ взглядомъ храмъ, совсѣмъ не похожій на наши храмы, вы остановитесь, какъ вкопанные—такъ поразитъ васъ это необычайное сочетаніе формъ и линій арабскаго архитектурнаго искусства. Внизу громадный, блестящій мраморный полъ; по срединѣ, подъ острою изящной крышей, на тонкихъ арабскихъ колоннахъ, сверкаетъ фонтанъ; вверху высоко, высоко висятъ на стѣнахъ чудныя сталактитовой формы полусферическія арки, а надъ ними сверху во все открытое пространство льется масса свѣта и какъ бы накрывается безоблачнымъ, лазорево-прозрачнымъ, неописуемой красоты небомъ.

Долго стоишь на этомъ мѣстѣ въ нѣмомъ восторгѣ, не находя словъ и образовъ, чѣмъ бы можно было выразить хоть приблизительно, хоть какъ-нибудь, что это за чудо, созданное геніемъ восточнаго народа?...

Въ глубинѣ одной арки передъ вами входная дверь въ храмъ-мечеть, гдѣ стоитъ гробница основателя султана Гассана, изъ рода Бахаритовъ. Переступивъ порфировый порогъ, вы отъ яркаго дневного свѣта и синяго цвѣта неба, вдругъ входите въ храмъ, гдѣ все тонетъ въ глубокой тишинѣ и таинственномъ полумракѣ. Изъ высокаго купола льются умѣренные потоки свѣта, освѣщая громадные сталактитовой формы карнизы, сдѣланные изъ сандальнаго дерева. Кругомъ стѣнъ, въ видѣ арабесокъ, широкой полосою изъ разноцвѣтнаго мрамора, но въ общій тонъ господствующаго цвѣта, тянутся стихи корана.

Я не буду описывать другія мечети, осмотрѣнныя нами, хотя и представляющія интересъ, но интересъ второстепенный. Упомяну только объ исторически древней мечети—Амру, наполовину разрушенной и умирающей. Она занимаетъ своею колоннадою громадную площадь-дворъ, который былъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ колоннадами. Всѣхъ

колоннъ въ ней было 366 и капитель ни на одной изъ нихъ не была похожа на другую. Въ одномъ углу оставшихся неразрушенныхъ колоннъ стоитъ гробъ самого строителя Амру. Храма съ куполомъ уже нѣтъ. Уцѣлѣвшіе ряды колоннъ перекрыты, вмѣсто сводовъ, временною крышей.

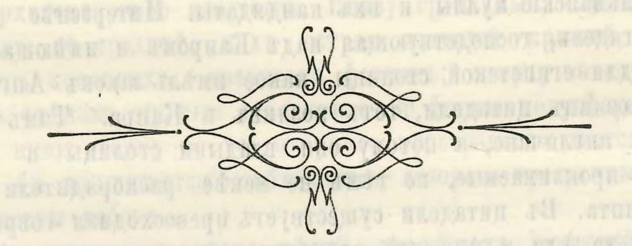
Бывшая мечеть Амру, а теперь остатки колоннадъ, въ настоящее время превращена въ высшее духовное учебное заведеніе, считаемое населеніемъ чуть-ли не университетомъ. Профессора-муллы и ихъ слушатели студенты сидятъ, поджавши ноги, между колоннами, внимая лекціямъ преподавателей. Они тутъ же и живутъ въ самой примитивной обстановкѣ. Говорятъ, будто всѣхъ учащихся до 5000 челов. Когда мы проходили мимо этихъ группъ, то ясно замѣтили, съ какою ненавистью смотрѣли ихъ глаза и выражали мины лицъ на наше, видимо, непріятное для нихъ, посѣщеніе.

Послѣ этого мы ѣздили осматривать могилы мамелюковъ, великолѣпныя гробницы хедивовъ съ ихъ роднею, кругомъ которыхъ группами сидятъ, раскачиваясь направо и налѣво и громко распѣвая стихи корана, мусульманскіе муллы и ихъ кандидаты. Интереснѣе другихъ оказалась цитадель, господствующая надъ Каиромъ и имѣющая такое же значеніе для египетской столицы, какое имѣлъ замокъ Ангела для Рима. Кто хозяинъ цитадели, тотъ хозяинъ и Каира. Тамъ теперь хозяйничаютъ англичане, а потому они владыки столицы и страны, ненавидимые, проклинаемые, но тѣмъ не менѣе распорядители судебъ Нижняго Египта. Въ цитадели существуетъ превосходная современная мечеть Магомета-Али и при ней квадратная мраморная величавая колоннада. Внутренность мечети отдѣлана съ большимъ вкусомъ и изяществомъ, но планъ ея—близкая копія храма св. Софіи въ Константинополѣ.

Оттуда повели насъ въ какой-то закоулокъ той же цитадели и показали глубокій колодецъ, выдолбленный въ скалѣ, въ 80 метровъ глубины, будто бы еще прекраснымъ Іосифомъ, сыномъ патріарха Іакова. На дворѣ цитадели мѣсто, гдѣ знаменитый авантюристъ, а потомъ хедивъ Магеметъ-Али, заманилъ на пиръ 40 предводителей мамелюковъ и заперевъ ворота, приказалъ перестрѣлять ихъ, какъ зайцевъ. Одинъ изъ этихъ сорви-головъ, увидя свою участь, разгорячивъ коня, заставилъ его прыгнуть черезъ рѣшетку скалы и упалъ съ нимъ съ 20-ти саженной высоты, разбившись вдребезги. Зато память о немъ живетъ въ египетскомъ народѣ и записывается въ хроники туристами.

Когда мы подошли къ рѣшеткѣ этого двора, обращенной къ городу и Нильской долинѣ и взглянули на панораму, растилающуюся передъ нами, то поистинѣ были поражены и очарованы волшебною картиной: подъ ногами у насъ, раскинувшись, лежалъ Каиръ съ пре-

лестными свѣтлыми тонами красокъ, куполами мечетей и другими восточными сооруженіями. То тамъ, то сямъ уходила къ небу острая игла высокаго минарета, выдѣлялась башня дворца, выглядывала веранда и зеленѣлись сады. Налѣво, свѣтлой сверкающей полосою, блестѣлъ Нилъ, по которому скользили бѣлые паруса египетскихъ лодокъ. Правѣе, за Ниломъ, тянулась широкая аллея сикоморъ-акацій, а за ней выглядывали историческія пирамиды. Нужно-ли говорить, что мы чувствовали въ эту минуту!

ПИРАМИДЫ.

Кто изъ пріѣзжающихъ въ Египетъ не стремится, прежде всего, побывать на пирамидахъ, посмотрѣть на пирамиды? Каждый путешественникъ, какъ только приближается къ Каиру, непремѣнно ищетъ на горизонтѣ острой верхушки историческаго великана, знакомаго по рисункамъ съ самаго дѣтства. Неутолимое любопытство томитъ душу и чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ великому памятнику и въ особенно сти къ такому, какъ пирамида Хеопса, нетерпѣніе неудержимо тянетъ къ ней и не даетъ вамъ покоя. По пріѣздѣ въ Каиръ, мы въ первый же день поѣхали-бы къ пирамидамъ, но драгоманъ отеля охладилъ нашъ пылъ разсказомъ, что надо ѣхать туда только въ 3 ч. утра.

На завтра, не было еще и 3-хъ часовъ ночи, какъ дежурный негръ постучалъ въ дверь и мы, наскоро напившись кофе, поѣхали къ пирамидамъ въ заранѣе заготовленной коляскѣ. Ночь была прохладная, ясная. Глубокое небо тихо свѣтилось сонмами звѣздъ надъ нашими головами; млечный путь казался взору далеко инымъ, чѣмъ кажется у насъ на сѣверѣ: онъ совсѣмъ висѣлъ въ воздухѣ, среди и позади котораго ярко горѣли звѣзды и планеты. Фонъ неба казался темнымъ и такимъ глубокимъ, что будто это было другое небо, съ другой еще болѣе неизвѣданной глубиною, какую мы видимъ у себя дома.

Городъ былъ тихъ: все въ немъ спало и даже не видно было ни уличныхъ сторожей, ни городовыхъ на своихъ постахъ и ни извозчиковъ, дремлющихъ на своихъ козлахъ. Только одни газовые фонари, освѣщающіе улицы и площади, да гдѣ-то раздирающій ухо крикъ осла, говорили вамъ, что ѣдете по большому городу. Куда ни взглянешь, всюду встрѣчаешь другой видъ и картину противъ того, какіе были при свѣтѣ дня. Люблю я наблюдать такія разительныя, повторяющіяся перемѣны и уходить въ себя въ такое время. Вотъ уголъ рѣшетки городского сада, въ которомъ вечеромъ игралъ оркестръ музыки и гуляла публика; вотъ кафэ, набитое народомъ; вотъ

площадь, на которой шумѣла толпа людей, гудѣла шарманка и кричали разносчики воды и лакомствъ. Теперь тѣ же самыя мѣста, но они безмолвны и пусты. Еще пройдетъ какихъ-нибудь 2—3 часа времени и снова та-же пестрая толпа наполнитъ площади и закипитъ опять такая же шумная жизнь, какой была она вчера, позавчера и каждый день.

Скоро проѣхали мы желѣзный мостъ, перекинутый черезъ Нилъ, и повернули налѣво берегомъ рѣки, вдоль аллеи громадныхъ сикоморъ. Нилъ тихо катилъ свои воды и выглядѣлъ глянцевитой, теряющейся вдали, полосою бураго оттѣнка. На немъ не было ни судовъ, ни пароходовъ и только кое-гдѣ силуэтами чернѣлись причаленныя къ берегамъ лодки мѣстныхъ рыбаковъ и перевозчиковъ. Отовсюду вѣяло чѣмъ-то тихимъ, таинственнымъ, точно тѣни давно умершихъ народовъ мирно носились въ воздухѣ, кружились надъ рѣкою и въ развалинахъ древнихъ городовъ. Но вотъ дорога повернула въ другую аллею сикоморъ, направо. Воздухъ сталъ еще свѣжѣе. Кучеръ-арабъ чаще хлопаетъ бичемъ и громче покрикиваетъ на лошадей словомъ „ла". Мы кутались въ пальто и пледы и перекидывались отрывочными фразами, но то и дѣло вглядывались впередъ, желая поскорѣе увидать знакомую верхушку пирамиды. Нетерпѣніе наше расло съ каждой минутой; дорога казалась безконечною. Гдѣ-то въ темнотѣ зазвенѣли колокольчики и на встрѣчу намъ выросли высокія движущіяся кучи, мѣрно покачиваясь въ воздухѣ. Это шелъ караванъ верблюдовъ, нагруженныхъ свѣжимъ пахучимъ клеверомъ. А пирамидъ все еще нѣтъ. Дорога—шоссе, проложенная по высокой насыпи на заливаемой Ниломъ долинѣ, узкой лентой блестѣла впереди и уходила въ дальнюю глубину аллеи.

Начинало свѣтать.

Прошло еще съ полчаса томительнаго ожиданія. Вниманіе приковывалось къ одной сторонѣ. Господи, да какъ же это далеко! Вѣдь вчера съ высотъ цитадели видѣли мы эти пирамиды такъ близко, точно рукой подать, а между тѣмъ теперь ѣдемъ ужъ, кажется, часа три. Не можетъ быть! Намъ сказали, что путь займетъ не больше двухъ часовъ. Берешь, открываешь часы и видишь, что времени протекло только $1^1/_2$ часа. Чувствуешь досаду, жмешься въ уголъ коляски и снова ждешь и ждешь.

Но, чу! вотъ встрепенулся кучеръ, проглотилъ какое-то арабское слово, обращенное къ проводнику, а тотъ, оборотясь къ намъ и показывая рукою налѣво, промолвилъ: „пирамиды". Мы выглянули. За верхушками акацій и сикоморъ, въ полупрозрачной мглѣ ранняго утра, выглядывали, дѣйствительно, линіи пирамидъ. Съ этой минуты мы только понукали кучера и пирамиды расли передъ нами, принимая все болѣе ясныя очертанія. Сквозь деревья мы видимъ уже песчаную гору у ихъ подножія, а у самой горы арабскую деревушку и пару бѣлыхъ домиковъ, въ которыхъ живутъ какіе-то англичане. Дорога подошла къ самой горѣ, обогнула радіусомъ эти обрывистыя скалы, заметенныя теперь сыпучимъ пескомъ пустыни и превращенныя въ отлогіе съ гладкими линіями холмы, и остановились у самой Хеопсовой пирамиды

Мы вышли изъ экипажа. Передъ нами высилась громада, уходящая, казалось, верхушкой въ небо. Какая-то сила, что-то страшно необъятное, неподвижное, вѣчное такъ и вѣяло отъ этой искусственной горы-великана, сложенной руками человѣка назадъ тому шесть тысячелѣтій!

Къ намъ неслись 8 человѣкъ бедуиновъ въ своихъ бѣлыхъ плащахъ, чтобы помогать намъ взбираться на пирамиду. Раздумывать было нечего, а страшиться того, какъ влѣзать на полутора аршинные камни-ступени, неровно выглядывающія наружу, не стоитъ и труда. Вѣдь лазятъ же другіе? Полтора часа подъемъ, полтора—спускъ большого труда, куда ни шло,—такъ вертѣлось въ воображеніи, а бедуины уже подхватывали насъ подъ руки, вздергивали на первую ступень и какъ по карнизу вели къ острому ребру пирамиды. Я успѣлъ только взглянуть на часы. Было ровно 5 часовъ 10 минутъ. „Эхъ,—подумалъ я,—опоздаемъ къ восходу солнца". Но бедуины не дремали. Вскочатъ какъ то впередъ на высокую ступень, едва касаясь ея рукою, и однимъ взмахомъ вздернутъ васъ за руки кверху, такъ что едва успѣешь занести ногу и опереться носкомъ о камень, какъ уже стоишь твердо и снова тѣмъ же способомъ вздергиваешься ими кверху, едва успѣвая поднимать ногу. Потъ льетъ съ васъ градомъ; легкія работаютъ усиленно, но вы поднимаетесь все выше и выше. Бедуины только подзадориваютъ, восклицая: „елла! елла!" и тащатъ васъ немилосердно кверху. И только тамъ, гдѣ отколоты камни и гдѣ приходится опираться ногою о выступъ, какихъ-нибудь въ полтора вершка шириною, васъ поддерживаетъ сзади бедуинъ, самъ опирающійся на нижнюю широкую ступень пирамиды. Поднявшись на одну треть высоты, дѣлается минутный роздыхъ, а потомъ подъемъ снова; еще разъ роздыхъ и уже остановка потомъ на верхушкѣ пирамиды, всегда оглашаемая крикомъ побѣды—„ура"!

Вы дышете тяжело; у васъ сперло въ груди; руки и ноги дрожатъ; вы едва вѣрите себѣ, что стоите на верху Хеопсовой тверды-ни... Я взглянулъ на часы: было 5 часовъ 28 минутъ. Я едва вѣрилъ глазамъ, мы поднимались только 18 минутъ! Да неужели? Арабы, прочитавъ въ нашихъ глазахъ недоумѣніе, твердятъ:

— Vous-etes tres fort. Bravo!

Въ первую минуту какъ-то растерянно смотришь во всѣ стороны, не давая себѣ яснаго отчета, гдѣ находишься, что видишь и что

вспоминаешь. Я зачѣмъ-то полѣзъ въ карманъ и машинально взялъ оттуда компасъ и, помню, задалъ себѣ вопросъ: „зачѣмъ это?" И тутъ же вспомнилъ, что я самъ приготовилъ его, чтобы провѣрить, по какому направленію построены стороны пирамиды. Бедуины живописно улеглись на площадкѣ и не сводили глазъ отъ насъ, поминутно задавая вопросы и предлагая для покупки античныя египетскія фигурки, будто-бы найденныя въ гробницахъ мумій.

Я помню моментъ, когда встрепенулось мое полное сознаніе. Я всталъ съ камней на ноги и мысленно поклонился великому свѣтилу Озирису, которое начинало золотить облака и одѣвать ихъ въ яркія цвѣтныя одѣянія.

„Сіялъ востокъ и Нилъ блеѣстлъ священный..."

Я осмотрѣлся кругомъ. Вотъ эта сторона восточная, эта—южная, эта—западная и вотъ четвертая сѣверная. Потомъ опять та же восточная. Боже! да какъ же тутъ не славословить Твое величіе, не кланяться Твоему Востоку?!

Бывалъ я на своемъ вѣку во многихъ странахъ Европы; видывалъ я прелестные пейзажи, суровые горные виды, восхищался ими, не находилъ словъ и выраженій описать ихъ. Но то, что я видѣлъ, стоя на пирамидѣ, превосходитъ все когда-либо мною видѣнное... И вотъ я въ Каирѣ 6-го апрѣля, упоенный теплымъ ароматомъ африканской ночи, отворилъ балконъ номера гостинницы, сижу и пишу эти строки, тщетно стараясь подыскать подходящія выраженія и грустно верчу мой карандашъ, не находя ни словъ, ни образовъ для передачи волновавшихъ меня впечатлѣній. Я перечиталъ мѣста книгъ, описывающихъ пирамиды у Мордовцева и Андреевскаго, но и тамъ не нашелъ того, что думалъ найти. Вѣрно, дѣйствительность вида, дѣйствительность историческаго памятника таковы, въ самомъ дѣлѣ, что онѣ давятъ своимъ величіемъ, превышаютъ наши представленія, а потому и не поддаются точному описанію. Впечатлѣніе, получаемое человѣкомъ съ площадки Хеопсовой пирамиды, такъ многосложно и сильно, видъ пейзажа на всѣ четыре стороны такъ грандіозенъ и подавляющъ, что, дѣйствительно, чувствуешь себя въ полномъ безсиліи предъ ними и ставишь поневолѣ точку окончанія.

Пирамида издали снизу, отъ ея подножія, кажется острою и слегка съ закругленною верхушкой. На самомъ же дѣлѣ платформа на верху имѣетъ 14 аршинъ длины и ширины. Вся она покрыта и изрѣзана надписями именъ и фамилій лицъ, тамъ побывавшихъ. Вышина ея теперь 192 аршина. Скала, на которой она стоитъ, считается 90 аршинъ высоты. Такимъ образомъ, вы, стоя на площадкѣ, находитесь на высотѣ 280 аршинъ и видите передъ собою: *на востокъ*, подъ самой пирамидой и скалою, черныя зданія арабской деревушки, за которой тянутся зеленыя поля ячменя и пшеницы, пе-

рерѣзанныя каналами и оттѣненныя рощами высокихъ пальмъ, живописно выдѣляющихся въ воздухѣ. За ними извилистой свѣтлой лентой блеститъ великая рѣка Нилъ, а за ней замыкаютъ собою горизонтъ Маккатамскія горы, у подножія которыхъ раскинулся старый и новый Каиръ, съ высокими, какъ острыя иглы, уходящими къ небу, минаретами. *На югъ* идетъ рядъ пирамидъ—Хеврена и Саккарскихъ, а за ними равнина, гдѣ когда-то стоялъ величайшій въ мірѣ городъ—Мемфисъ. *На западъ*—ровное, неизмѣримое песчаное пространство Ливійской пустыни. *На сѣверъ*—вся зеленѣющая дельта Нила, прорѣзанная каналами, а отсюда плодородная и цвѣтущая. Куда ни взглянешь, всюду страшная даль! Воздухъ свѣжъ и прозраченъ. Дышется легко и свободно. Переливы красокъ и тѣней восходящаго солнца придаютъ всему такую живую красоту видимой перспективѣ и предметамъ, что, глядя на нихъ, стоишь, какъ очарованный. Вотъ заволокло солнце маленькимъ облачкомъ, изъ-за котораго полились кругомъ расходящіеся радіусомъ лучи и образовали неописуемой красоты картину. Вотъ загорѣлись розовымъ свѣтомъ верхушки минаретовъ мечети Магомета Али, заблестѣла и порозовѣла облицованная вершина Хевреновской пирамиды, покрылся бѣловато-розовымъ туманомъ Нилъ и зарѣяли въ воздухѣ одѣтые въ густой колеръ зелени высокіе пальмовые вѣера. Картина приняла опять новый видъ, еще великолѣпнѣй предыдущаго!

Проводники-арабы разсказали намъ, что пирамида Хеврена, тутъ же невдалекѣ стоящая, недоступна не только для европейцевъ, но и для арабовъ, потому что верхушка у ней на 1/4 часть высоты до сихъ поръ не потеряла еще глазуревой облицовки и что только одинъ изъ нихъ Сель (Seul), какъ они говорили, можетъ на нее взобраться, если мы заплатимъ ему 6 франковъ. Какъ тутъ не соблазниться, зная, что пирамида Хеврена имѣетъ высоту 189 аршинъ. Не прошло и 10 минутъ, какъ загорѣвшій бедуинъ спустился съ пирамиды Хеопса и былъ у подножія пирамиды Хеврена. Въ теченіе слѣдующихъ 8 минутъ онъ былъ уже на ея вершинѣ и махалъ намъ оттуда своимъ бѣлымъ плащемъ. „Ура"!—гремѣло ему въ отвѣтъ за его ловкость и отвагу.

Когда пришлось спускаться съ пирамиды и когда я остановился на краю камня первой верхней ступени и взглянулъ внизъ, то сердце мое какъ-то сжалось и затрепетало. Глубина казалась страшная, крутизна головоломная! Спускаться же надо такъ, какъ спускаются съ домашней лѣстницы, лицомъ впередъ. Глазъ закрывать нельзя, потому что надо искать ногами точку опоры. Но бедуины, ловкіе какъ серны, не даютъ вамъ сдѣлать ошибочнаго шага и не позволяютъ ступить не вѣрно.

Черезъ 12 минутъ мы были уже внизу, вблизи зіяющаго отвер-

стія, ведущаго внутрь пирамиды, въ царскія комнаты, гдѣ стоятъ саркофаги фараона Хеопса и его супруги. Надобно обладать значительною долей рѣшимости, чтобы ползти туда темнымъ коридоромъ, гдѣ рискуешь упасть въ обморокъ. Не зная того труда и напряженія, какіе тутъ понадобятся и полагаясь на подзадоривающія увѣщанія бедуиновъ, рѣшаешься скользить по крутой гранитной плоскости, чтобы извѣдать новое ощущеніе.

Съ зажженными восковыми свѣчами, согнувши свой корпусъ въ 90 градусный уголъ, полѣзли мы этимъ коридоромъ въ кромѣшную тьму пирамиды. Вѣроятно, проводниками кое-гдѣ на полированномъ гранитѣ сдѣланы мелкія насѣчки, на которыхъ ихъ босыя ноги опираются. Мои же ноги скользятъ и я постоянно падаю и качусь внизъ, точно съ ледяной горы. Чѣмъ дальше мы подвигаемся, тѣмъ путь становится труднѣе. Воздуху кажется мало; дышется тяжело. Минутъ черезъ пять мои ноги вдругъ погрузились въ рыхлую сухую землю. Меня поставили на ноги. Я пришелъ въ себя и при огнѣ тускло горѣвшихъ свѣчей оглядѣлся. Надо мной гранитный потолокъ, въ которомъ отражается пламя свѣчей. Я вижу небольшую комнату. У одной изъ боковыхъ стѣнъ виднѣется арка, а надъ нею, у самаго потолка, чернѣетъ квадратное отверстіе, по которому нужно подниматься вверхъ пирамиды. Ни лѣстницы, ни ступенекъ нѣтъ. Проводники молчатъ и по временамъ только жестами показываютъ дальнѣйшую дорогу. Я безнадежно прислонился къ стѣнѣ и не зналъ—на что рѣшиться—итти-ли впередъ, или вернуться назадъ. Но въ этотъ моментъ одинъ бедуинъ, согнувши туловище, прислонился къ стѣнѣ ниже входа; другой вскочилъ на его спину и прыгнулъ въ темную пасть отверстія; третій, ухватившись за край карнизнаго гранита, повисъ въ воздухѣ и не успѣлъ я опомниться, какъ четвертый схватилъ меня, крикнувъ—prenez fort, приподнялъ отъ земли и передалъ висящему товарищу, который одной рукой поднялъ меня еще выше и втолкнулъ въ отверстіе верхняго коридора. Все это было сдѣлано такъ быстро и ловко, что нельзя пересказать словами.

Верхній коридоръ былъ такимъ же проходомъ, какъ и первый, не больше полутора аршинъ ширины и высоты, съ такими же гранитными полированными стѣнами, поломъ и потолкомъ, но съ той разницей, что вмѣсто спуска поднимался кверху и былъ еще труднѣе для прохода. Ноги мои поминутно скользили и я невольно падалъ. Дышать становилось совсѣмъ трудно; коридоръ казался нескончаемымъ. Я начиналъ терять силы; голова моя кружилась, въ вискахъ стучало и я думалъ, что вотъ-вотъ потеряю сознаніе. Еще минута—и я стою твердо на какой-то площадкѣ, и впереди виденъ новый высокій коридоръ, уходящій опять вверхъ. Я хотѣлъ бы вернуться назадъ, но боюсь, что въ узкомъ коридорѣ упаду въ обморокъ, а потому разсу-

дилъ мысленно лучше перенести обморокъ, если онъ случится, здѣсь, гдѣ все-таки просторнѣе, и безнадежно опускаюсь на гранитъ. Повертываю голову и вижу, что въ верхнемъ коридорѣ мелькаютъ тѣни, видны зажженныя свѣчи и слышатся голоса. Мимо меня проходятъ люди и какой то между ними сѣдой старикъ, тяжело дыша, говоритъ мнѣ: „bon voyage".

Минуты черезъ двѣ слабость моя прошла. Я рѣшился слѣдовать до конца. Проводники-бедуины предложили мнѣ за 1 франкъ вознагражденія нѣкоторое развлеченіе. Въ стѣнѣ напротивъ меня было отверстіе, ведущее въ сухой колодецъ, около 1 метра діаметромъ. И вотъ одинъ изъ нихъ взялъ въ губы зажженную свѣчку и, упираясь въ стѣны колодца руками и ногами, спустился въ глубину его. Чтобы заглянуть, какъ онъ спускается, я легъ на край колодца, а бедуинъ держалъ меня за ноги. Глубина колодца была около 10 саженъ. Становилось жутко и страшно. Я крикнулъ: assez, assez!

Черезъ двѣ—три минуты мы снова полѣзли вверхъ. Этотъ коридоръ блестѣлъ отъ огня нашихъ свѣчъ: такъ хороша была полировка темно-розоваго гранита, отдѣланнаго фараономъ Хеопсомъ ровно 5900 лѣтъ тому назадъ. Я еле передвигалъ ноги, почти повиснувъ на рукахъ моихъ проводниковъ. Коридоръ тянулся какъ бы безъ конца. Всѣ дышали часто, тяжело. Свѣчи наши горѣли тускло. Но вотъ и коридору конецъ. Мы въ залѣ. Я прислонился къ стѣнѣ и перевелъ духъ. Проводники зажгли магніеву проволоку и освѣтили усыпальницу Хеопса. Это оказалась комната 16 аршинъ длиною и по 8 арш. шириною и высотою. Гранитные монолиты, изъ какихъ она построена, таковы, что ихъ положено на потолокъ только пять, а въ стѣнахъ каждый длиною 4 и вышиною $2^1/_2$ аршина. Среди залы стоитъ пустой саркофагъ Хеопса изъ того-же розоваго гранита. Я едва могъ отыскать швы между монолитами стѣнъ и пола—такъ они тщательно притесаны и отполированы. Боже праведный! да какое же количество человѣческихъ жизней и труда положено на то, чтобы высѣчь, отдѣлать и втащить на такую высоту подобныя гранитныя чудовища?! Вычислено, что теперь, даже послѣ ограбленія облицовки, пирамида Хеопса все еще имѣетъ 2.350.000 кубическихъ метровъ камня!

Отъ Нила до пирамидъ была построена высокая гранитная дорога, сама по себѣ составлявшая 8-е чудо свѣта, теперь безслѣдно разграбленная.

Осмотрѣвъ подобную же, но меньшаго размѣра залу, гдѣ находится саркофагъ жены Хеопса, мы тѣмъ же путемъ начали возвращаться назадъ. Спускъ былъ, пожалуй, еще труднѣе, чѣмъ подъемъ. Я постоянно скользилъ и падалъ. Меня чуть не на рукахъ несли проводники-бедуины. Большой третій коридоръ также освѣтили магніемъ. Высота его около 8 арш., ширина $3^1/_2$; сводъ сдѣланъ изъ 5

линій карнизовъ. При освѣщеніи магніемъ гранитъ блеститъ еще лучше, чѣмъ въ усыпальницѣ фараона Хеопса. Здѣсь я ужъ никакъ не могъ замѣтить швовъ между монолитами гранита; нѣкоторые увѣряютъ даже, что эти стѣны коридора сдѣланы изъ цѣлыхъ глыбъ гранита. Форма коридора точь въ точь такая же, какую я видѣлъ въ Керчи въ насыпи Митридата.

Меня вытащили на свѣтъ Божій еле живого, еле дышащаго. Все на мнѣ было въ пескѣ и пыли и пропитано потомъ. Я выглядѣлъ живымъ мертвецомъ. Старикъ французъ, попавшій мнѣ на встрѣчу въ коридорѣ пирамиды, сидѣлъ на камнѣ и отдыхалъ. Онъ оказался живущимъ въ домикѣ около пирамиды и былъ египтологъ. Любезный ученый пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ отдохнуть и выпить по чашкѣ кофе, замѣтивъ намъ, что это тотъ самый домъ, который былъ построенъ когда-то для пріема эксъ-императрицы Евгеніи.

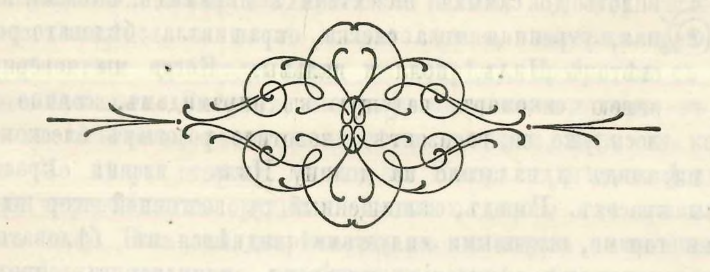
Отдохнувъ отъ утомленія, мы пошли съ шейхомъ къ едва видному изъ-за песка знаменитому египетскому сфинксу. Пришлось пробираться по обломкамъ камней и по сыпучему песку, который изо-дня въ день заметаетъ и погребаетъ подъ собою памятники и города по всей Нильской долинѣ.

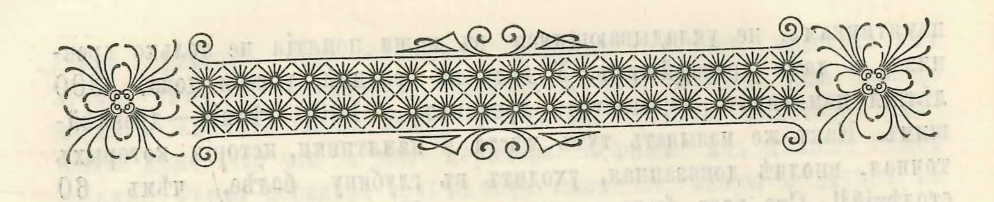
Высѣченный въ скалѣ въ пору самой глубочайшей древности, *поправленный* уже фараономъ Хеопсомъ, сфинксъ лежитъ теперь по плечи въ пескѣ и только шея да голова его, изъѣденная временемъ, испорченная народами, говорятъ вамъ о его первенствѣ и величіи въ ряду всѣхъ памятниковъ, сдѣланныхъ человѣческими руками. Сфинксъ высѣченъ изъ скалы и высота его, не считая цоколя, равна 28 аршинамъ. Теперь же тѣло его засыпано пескомъ и только могучій хребетъ-скала выглядываетъ наружу, да величавое выраженіе лица издали говорятъ о чемъ-то древнемъ и недосягаемо великомъ...

Бокъ о бокъ съ пирамидою Хеопса, отрытые изъ песка, на большой глубинѣ, лежатъ остатки храма—фундаментъ, часть стѣнъ и группа квадратныхъ колоннъ—построеннаго изъ цѣльныхъ монолитовъ. Полагаютъ, что храмъ этотъ *въ древности*, во времена еще Хеопса, считался храмомъ Изиды и былъ тогда поправленъ строителемъ пирамиды. Какой же нескончаемой вереницею вѣковъ, въ глубь исторіи, мы должны считать постройку этого храма и созданіе скалы—Сфинкса, если то и другое строители пирамидъ, поправляя, относили „къ глубокой древности“, живя сами за 5,900 лѣтъ до нашего времени? Поистиннѣ, живя здѣсь и видя несокрушимые памятники Египта, совсѣмъ не знаешь, какіе употреблять термины и выраженія. Глядя на обелискъ Геліополя, поставленный за 4.800 лѣтъ, рассматривая саркофагъ Аписовъ за 3250 лѣтъ или любуясь на превосходную деревянную статую Ра-Эмъ-Ке, которой не менѣе 6000 лѣтъ,—совсѣмъ не знаешь термина, какой примѣнить къ подобнымъ

памятникамъ, не укладывающимся въ наши понятія не только древнихъ, а даже древнѣйшихъ. У насъ на родинѣ, у себя дома, 300 лѣтній памятникъ называется—древнимъ, а 1000 лѣтній—древнѣйшимъ. Какъ-же называть тутъ мѣста и памятники, исторія которыхъ точная, вполнѣ доказанная, уходитъ въ глубину болѣе, чѣмъ 60 столѣтій?!. Сто разъ былъ правъ тотъ Египетскій жрецъ, который на вопросъ учившагося въ Египтѣ Платона, отвѣтилъ:

„О, эллины, вы еще дѣти“!.

Поѣздка въ Мемфисъ.

Рано утромъ 4-го апрѣля, чуть только начинало свѣтать, мы поѣхали осматривать развалины великаго Мемфиса, столицы древняго Египта. Дорога шла сначала знакомыми мѣстами, вплоть до самыхъ Газехтскихъ пирамидъ. Свѣжая, прозрачная, утренняя мгла слегка окрашивала бѣловато-розовымъ свѣтомъ Нилъ, поля и пальмы. Когда мы повернули въ аллею сикоморъ, ведущую къ пирамидамъ, солнце показалось уже на горизонтѣ, золотило розовымъ блескомъ верхушки пирамидъ и налагало на долину Нила изсиня красноватые полутоны красокъ. Городъ, защищенный съ восточной стороны Макатамскими горами, крупными силуэтами виднѣлся въ бѣловатомъ туманѣ и только острые высокіе минареты тянулись въ прозрачную высь неба да двѣ иглы мечети, Магометъ-Али, тонкія и стройныя, высоко, высоко поднимались на фонѣ горъ у цитадели и блестѣли золотомъ солнечныхъ лучей, встрѣчая первыми восходящее свѣтило. По Нилу рѣяли кривые, бѣлые паруса; на поляхъ струились ручьи воды, добываемой посредствомъ неуклюжаго журавца или скрипучимъ деревяннымъ колесомъ съ подвѣшанными кувшинами. Около маленькихъ озеръ паслись верблюды, одинокія группы быковъ и маленькія стада пестрыхъ овецъ. Вдали на горизонтѣ прелестно высились, разбросанныя рощами и въ одиночку, высокія пальмы. Каждую минуту, каждую секунду, плавно мѣняются краски, расплываются тѣни, играетъ свѣтъ и картина чудная переходитъ незамѣтно въ картину еще болѣе чудную. Всю дорогу отъ Каира до пирамидъ я не могъ сидѣть на мѣстѣ отъ восторга. Прямо противъ меня пирамиды, съ верхушки которыхъ скользятъ къ низу розовые лучи солнца, отражаясь на ея покатости и въ душѣ моей оживаютъ историче-

скія и библейскія имена лицъ; налѣво поля, а за ними виднѣются Саккарскія пирамиды, за которыми лежитъ въ прахѣ и развалинахъ мертвецъ Мемфисъ и нескончаемый его Некрополь; сзади меня блеститъ сѣдой Нилъ, разстилается—Каиръ, Маккатамскія горы, у подножія которыхъ медленно рѣдѣетъ бѣловатый туманъ, выдѣляя то тамъ, то сямъ темныя группы пальмовыхъ рощъ. Я снова повертываюсь къ пирамидѣ Хеопса и вижу, что она освѣщена уже на двѣ трети, что за ней выглянувшая верхушка другой пирамиды, горитъ въ лучахъ солнца и искрится желтыми электрическими точками.

Не забуду я никогда ни этого утра, ни этой несравненной картины-панорамы.

—

У подножія Газехтской пирамиды, насъ ожидали приготовленные ослы. Было только 7 часовъ утра, но солнце грѣло уже порядочно и мы безъ лишняго багажа, подъ руководствомъ классической фигуры бедуина и двухъ погонщиковъ, пустились въ путь, направляясь на югъ въ доль границы Ливійскаго песка и Нильской долины, возлѣ скалъ, полузасыпанныхъ пескомъ и представляющихъ собою овальные, пологіе курганы. Изрѣдка попадалась намъ арабская деревушка съ домиками, слѣпленными изъ грязи и навоза, а посему вся темная, представляющаяся, на почвѣ желтаго песка, совсѣмъ черною. Грязные ребятишки выбѣгали намъ на встрѣчу, требуя ни съ того, ни съ сего бакшишъ. Смуглыя, съ полузавѣшаннымъ лицомъ, въ черныхъ рубахахъ женщины, съ кувшинами на головахъ, шли къ колодцу за водою. По лѣвую сторону, ближе къ Нилу, виднѣлись феллахи, копающіе первобытнымъ орудіемъ—мотыгою землю или качали по каналамъ воду. Раза два встрѣчались въ низинахъ маленькія озера, находящіеся, повидимому, въ бывшемъ ложѣ бывшаго канала. Ослы наши шли бойко, увязая по щиколку въ сыпучемъ пескѣ, изъ котораго порою, торчала колючая трава или мелкіе синіе и розовые, но также колючіе цвѣточки. Ни деревьевъ, ни птицъ, оживляющихъ нашу сѣверную природу, тутъ нѣтъ и впоминѣ. Лишь вдали, коегдѣ, виднѣются рѣдкія высокія пальмы да двигаются песчаной степью горбатыя фигуры дромадеровъ. Всюду тихо, окружено желтымъ пескомъ и печально.

Черезъ часъ пути мы равнялись съ Саккарскими пирамидами, построенными на той же линіи скалъ, какъ и Газахтскія, но сравнительно съ послѣдними, низкими и ни чѣмъ неинтересными. Мы ѣхали бодро и весело. Новое путешествіе, новые впечатлѣнія, нетерпѣливое ожиданіе увидѣть начало развалинъ Мемфиса, устраняли всякое утомленіе и скуку. Еще черезъ полчаса времени на горизонтѣ показалась ступенчатая пирамида, стоящая въ центрѣ Акрополя Мемфиса и считающаяся самою древнею изъ всѣхъ пирамидъ Египта.

Путь нашъ перешелъ на твердый слой песка, въ которомъ временами виднѣлись—камни, черепки обожженной посуды и проч. „C'est Memfis“—проговорилъ проводникъ, указывая впередъ рукою и мы переѣзжаемъ фундаментъ городской кирпичной стѣны Мемфиса, на которомъ еще виднѣются мѣста, гдѣ когда-то стояли колонны. Съ этого пункта вплоть до Некрополя и подземелья Серапеума мы ѣхали цѣлый часъ времени по развилинамъ бывшаго Мемфиса, а теперь по холмистой мѣстности, на которой все еще по временамъ выглядываютъ гранитные обломки колоннъ и монолитовъ, оставшихся отъ разограбленія. Въ глубокой древности, за 6000 лѣтъ до нашего времени, такъ гласятъ іероглифы, могучій фараонъ отвелъ съ этого мѣста рѣку Нилъ гораздо правѣе и на образовавшейся дельтѣ построилъ городъ Мемфисъ—колоссальный, богатый, весь украшенный храмами и памятниками неслыханнаго блеска и великолѣпія, а на высокомъ кряжѣ горъ раскинулъ Некрополь, поражающій своей обширностью и религіознымъ культомъ, даже теперь въ развалинахъ и обломкахъ. За двѣ тысячи лѣтъ до нашихъ дней, Мемфисъ еще жилъ и поражалъ Страбона изумительными постройками и необъятностью своихъ размѣровъ. За тысячу лѣтъ онъ уже умиралъ, разрушался и сыпучій песокъ заметалъ его подъ своимъ покровомъ, а исторія утратила даже то, гдѣ было центральное мѣсто Египетскаго культа—храмы и подземелье бога—Аписа. И только теперь, благодаря неусыпному труду Моріетта, открывшаго его да песку, сохранившему его въ своихъ нѣдрахъ, мы можемъ видѣть воочію, что такое былъ древній Египетъ и какъ выражались его религіозныя упованія.

Миновавъ овальное озеро, кругомъ котораго паслось стадо верблюдовъ, назначенныхъ караваномъ въ Алжиръ, мы повернули на песчаную гору и когда поднялись на ея темя, предъ нами предстало необозримое поле развалинъ, заметаемыхъ пескомъ, но и въ этомъ видѣ поражающемъ умъ. Кругомъ высокіе курганы, углубленія, гранитные обломки, черепки посуды, завитушки капителей, разсыпанные въ груды, заносимые пескомъ. Вдали виднѣлся домикъ Маріетта, въ которомъ жилъ ученый египтологъ, производя раскопки и открывая знаменитую аллею, состоящую изъ 150 сфинксовъ, аллею статуй греческихъ философовъ и вѣнецъ всего—подземелье Серапеума. За нимъ высилась ступенчатая пирамида, кругомъ которой группировались другія меньшія пирамиды. Мы подъѣхали къ домику, оставили тамъ ословъ и пошли осматривать открытія Маріетта. Спустившись по осыпи песка аршинъ на 10 глубиною, мы вошли въ часовню—храмъ, бывшаго сановника фараона, по имени „Ти“. Храму этому считаютъ ровно 5000 лѣтъ. Первая комната—колоннада изъ 8 монолитовъ. Стѣны въ ней покрыты рельефными изображеніями обряда жертвоприношенія быковъ. Узкій, высокій коридоръ ведетъ далѣе

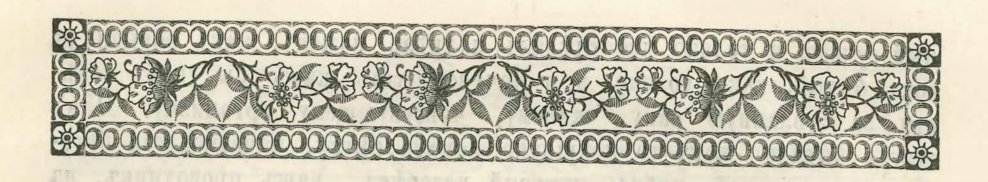
въ новую комнату—часовню, безъ оконъ и алтаря, плоскій потолокъ которой держится на двухъ четырехгранныхъ монолитахъ, съ крупными іероглифами. Всѣ стѣны часовни покрыты рельефами, раскрашенными черной и красной красками. Въ этихъ картинахъ представлена домашняя и публичная жизнь сановника Ти, начиная отъ палочной расправы съ слугами и рабами и оканчивая веселымъ танцемъ, услаждающимъ его жизнь. Большинство рельефовъ очень тонкой артистической работы. При входѣ въ колоннаду, вставлены въ стѣну, квадратныя, съ верху закругленныя „стеллы“, на которыхъ благочестивый египтянинъ, означая свое имя, день рожденія, высѣкалъ богу „Ра“, богу „Озирису“ или иному богу, свою молитву, прося его дать ему хорошую жизнь въ загробномъ мірѣ, по его воскресеніи.

Далѣе насъ повели въ Серапеумъ. Очень глубоко пришлось спускаться по осыпающемуся песку къ деревянной временной двери, чтобы пройти въ это святилище египетскаго религіознаго культа. Проводники зажгли восковыя свѣчи. Изъ подземелья несло теплымъ, одуряющимъ воздухомъ. Въ известковой скалѣ вырублены длинные, широкіе развѣтвляющіеся коридоры, по бокамъ которыхъ сдѣланы глубокія ниши и тамъ стоятъ саркофаги изъ розоваго гранита, для каждаго быка—Аписа, числомъ 64. Недоумѣваешь, какъ могли втаскивать сюда такія громадины саркофаги, внутри которыхъ хоронили останки боговъ—Аписовъ, въ которыхъ, по ученію египтянъ, преемственно воплощался богъ солнца—Озирисъ. Размѣры саркофаговъ отъ 3 до 4 аршинъ ширины и высоты, при 4—6 аршинахъ длины. Толщина стѣнокъ и крышки 8 вершковъ. Сдвинутыя крышки разрушителями христіанами, по эдикту императора Θеодосія, позволяютъ заглянуть въ пустую полированную внутренность саркофаговъ. На наружныхъ стѣнахъ, широкимъ бордюромъ, проведены высѣченныя изображенія Аписа и іероглифами написана его біографія. Изъ всѣхъ 64 могилъ, только 4 могилы Аписовъ, были не тронуты и оставались замурованными 3.250лѣтъ, когда Маріеттъ вступилъ туда первымъ и нашелъ нетронутый отпечатокъ руки каменщика на алебастрѣ и босой ноги на желтомъ песку около саркофага.

Съ неизвѣданной силою глубины чувства удивленія оставили мы Серапеумъ и поѣхали обратно мимо ступенчатой пирамиды къ другой меньшей пирамидѣ, апокрифически именуемой „Мемфиса“, еще въ древности открытой и ограбленной внутренностью. Входъ въ эту пирамиду идетъ наклонно по гранитному коридору. Царская усыпальница выложена желтымъ полированнымъ алебастромъ, а другая меньшая комната царицы цвѣтнымъ мраморомъ, уложеннымъ въ узкія полоски, варварски похищаемыя любопытными туристами. Саркофаги—гробницы стоятъ безъ крышъ и пустые. Все цѣнное въ какомъ бы то не было отношеніи давно разграблено и похищено.

Усталые отъ ѣзды, утомленные отъ ходьбы по рыхлому песку, мы снова садимся на ословъ и ѣдемъ обратно въ Каиръ. Солнце печетъ насъ неумолимо, ослы шагаютъ медленно, погонщики, закрывъ головы синими рубахами, дышутъ тяжело. Ни шутокъ, ни смѣха не раздается, а только одна сосредоточенная мысль долбитъ голову: „ахъ, скоро-ли мы доберемся къ отдыху и въ тѣнь нашего отеля."

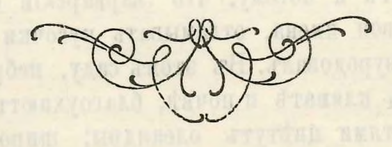

Геліополисъ.

Съ неслабѣющимъ интересомъ поѣхали мы на мѣсто, гдѣ стоялъ когда-то Геліополисъ, современникъ и почти сосѣдъ Мемфиса, раскинутый по другую, правую, сторону рѣки Нила, за Маккатамскими высотами. Въ здѣшнихъ городахъ нѣтъ, какъ у насъ въ Европѣ, подгородныхъ построекъ, дачъ и огородовъ. Здѣсь городъ обрывается рѣзко и сразу начинаются поля пшеницы и клевера, между которыми рѣдкими групами виднѣются пальмы и сикоморы. По дорогѣ къ Геліополису мы ѣхали аллеей, почти не дающей тѣни; потомъ повернули на проселочную дорогу, изгибающуюся полями, и чрезъ полчаса ѣзды остановились у правительственнаго фруктоваго сада, внутри котораго стоитъ громадное фиговое дерево, гдѣ будто бы отдыхали Іосифъ и Св. Дѣва Марія, бѣжавшіе отъ Ирода въ Египетъ. Стволъ дерева у корней имѣетъ объемъ около 10 аршинъ, и само оно выглядитъ корявымъ и непригляднымъ, быть можетъ потому, что состарилось, а можетъ и потому, что варварскій обычай туристовъ—вездѣ вырѣзывать свои имена, отламывать кусочки коры и листьевъ—испортилъ его и изуродовалъ. Въ этомъ саду, небрежно содержимомъ, но въ африканскомъ климатѣ и почвѣ, благоухаютъ розы, громадными ярко пунцовыми кистями цвѣтутъ олеандры; широкими, но слабыми, какъ тряпка, листьями, шелестятъ бананы и десятки невѣдомыхъ намъ плодовыхъ кустовъ ни по названію, ни по структурѣ, наполняютъ садъ, такъ непохожій на наши европейскіе сады. Я попросилъ садовника—араба дать намъ коллекцію сухихъ туземныхъ деревьевъ въ маленькихъ кусочкахъ съ мѣстными названіями, но онъ принесъ неуклюжій топоръ и пилу и такъ безжалостно началъ рубить сучья живыхъ деревьевъ, что скорбно было смотрѣть на его болѣе чѣмъ небрежное обращеніе. Не помню названія дерева, но я взялъ длин-

ный сучекъ и только что сдѣлалъ надрѣзъ ножемъ, какъ обрызнулъ сокъ бѣлый, какъ молоко, и я почувствовалъ какъ бы укоръ совѣсти за сдѣланную рану живому, чувствующему организму. Намъ всегда бывало какъ-то непріятно сломать вѣтку, качающагося бутона розы, а какой нибудь чумазый человѣкъ, нашъ проводникъ, на ходу ломаетъ ихъ въ чужихъ садахъ и подноситъ намъ сюрпризомъ.

Изъ правительственнаго сада мы ѣхали еще проселочной дорогой съ четверть часа времени къ единственному памятнику, оставшемуся отъ Геліополиса—къ его обелиску, какимъ-то чудомъ неизломанному или неувезенному въ Европу. Обелискъ на 4 аршина засыпанъ теперь мусоромъ и иломъ, какъ говорятъ у насъ—„вросъ въ землю“; кругомъ его на почвѣ былого города желтѣютъ засѣянныя поля пшеницы, а подножіе до невозможности загрязнено дѣтьми феллаховъ, обитающихъ въ одинокихъ мазанкахъ, разсѣянныхъ по нивамъ хлѣба. А между тѣмъ это памятникъ, которому минуло 4800 лѣтъ и который видѣлъ у своего подножія Моисея, Іисуса Навина, Страбона, Плинія, Платона, Александра Македонскаго; возлѣ его происходили битвы историческихъ народовъ и проходили побѣдители и побѣжденные. Одиноко стоитъ онъ, этотъ розоваго гранита монолитъ, покрытый по своимъ сторонамъ крупными іероглифами и фигурами птицъ, когда-то украшавшій собою у пилона входъ въ храмъ египетскаго божества—Озириса и Изиды. Товарищъ его, рядомъ съ нимъ стоявшій, давнымъ давно похищенъ римлянами и украшаетъ теперь площадь св. Петра въ Римѣ. Размѣры обелиска: высота 29, толщина у подножья $2\frac{1}{2}$, на верху $1\frac{1}{2}$ аршина.

Прогулка по Нилу.

Я всю ночь не спалъ. Наканунѣ слегка заболѣвши, я отдыхалъ весь день, и съ вечера сонъ никакъ не смыкалъ моихъ глазъ. Я долго старался заснуть, но теплый томительный воздухъ, звуки музыки, доносившіеся изъ городского сада, сверкающія звѣзды въ синемъ небѣ манили меня на балконъ и я, бросивъ постель, пошелъ туда любоваться египетской ночью и время отъ времени записывать мои впечатлѣнія при восхожденіи на пирамиду Хеопса. Такъ я провелъ время до 4 ч утра, когда нужно было собираться на прогулку въ лодкѣ внизъ по Нилу.

Напившись наскоро кофе, мы взяли извозчика и поѣхали на Нильскую пристань Каирскихъ лодочниковъ. Народъ начиналъ уже толпиться около барокъ; женщины въ синихъ рубахахъ, съ большими кувшинами на головѣ, по колѣно заходили въ воду и наполняли ихъ водою. Глядя на нихъ, невольно являлось въ головѣ историческое сравненіе, какъ свободно египтянка балансировала эту ношу, неся ее на своей головѣ. Точь въ точь живая копія съ древняго рельефа.

Въ 5 час. мы снялись съ якоря и поплыли внизъ по теченію Нила. Великая историческая рѣка тихо катила по илистому дну свои воды. Ширина ея въ этомъ мѣстѣ была около 200 саж. Уже довольно разсвѣтало и вода въ Нилѣ казалась желтовато-мутнаго цвѣта. По обѣимъ сторонамъ рѣки виднѣлись изрѣдка пальмовыя рощи, засѣянныя пшеницею поля, неуклюжія деревянныя колеса, которыми феллахи для орошенія полей поднимали воду. Солнце медленно поднималось на горизонтѣ и казалось сквозь туманъ краснымъ газовымъ фонаремъ, повѣшаннымъ въ пространствѣ. „Уль хабашъ Элла

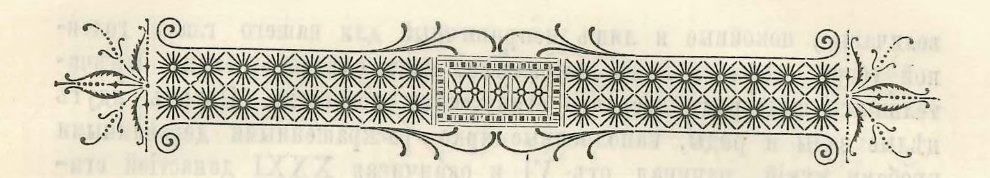
—Алла! Пафынъ-фай Элла—Алла! Тумеръ-риль Элла—Алла!“ Такъ припѣвали наши лодочники—гребцы, усердно работая веслами. Гортанный теноръ, нагибаясь надъ весломъ, уныло выводилъ первыя три слова, а четвертое—„Алла“ подхватывалось хоромъ и также грустно оканчивалось, какъ начинался припѣвъ. Порою на низкомъ илистомъ берегу Нила гребцы бросали весла, соскакивали на берегъ и тянули лодку бичевою. И здѣсь то въ Африкѣ, за 5000 верстъ отъ Волги, о, Боже! тѣ же бурлаки, о которыхъ мы такъ много знаемъ у себя дома. Мы часто обгоняемъ баржи-лодки, нагруженныя рыболовными снастями, съ неизбѣжнымъ длиннымъ шестомъ по серединѣ, къ которому привязанъ бѣлый парусъ. Что за лица наполняютъ эти лодки! Темныя, бронзовыя, съ нависшими бровями, съ обмотанною бѣлымъ шарфомъ головою, въ длинныхъ синихъ рубахахъ—это живое воплощеніе силы и здоровья.

Мы подплываемъ къ Эльборажу, гдѣ перекинутъ чрезъ протокъ Нила красивый сводчатый запруда—мостъ, рельефное вырисовывающійся впереди насъ. Осмотрѣвъ этотъ мостъ ближе, мы убѣждаемся, что это колоссальная запруда всѣхъ протоковъ Нила, съ подъемными мостами и шлюзовыми сооруженіями для прохода мелкихъ рѣчныхъ судовъ. Вся конструкція мостового сооруженія носитъ характеръ капитальной, дорогой постройки, потребовавшей милліонныхъ денежныхъ затратъ, но, повидимому, употребленныхъ безъ нужды и надобности, по капризу египетскаго правительства. На другой лѣвой сторонѣ Нила устроены громадныя казармы для войска, высокіе земляные валы и разсаженъ громадный паркъ шелковичныхъ деревъ, безъ порядка содержимый и запущенный.

Разстояніе Ельбоража-моста, запруживающаго Нилъ и всѣ его притоки, опредѣляется отъ Каира въ 18 верстъ.

Позавтракавъ въ какомъ-то кабачкѣ, расположенномъ на самомъ берегу Нила, мы снова сѣли или, сказать скорѣе, легли въ лодку и поплыли обратно. Вѣтеръ въ это время дня всегда дуетъ съ юга, а потому наши гребцы развернули острый парусъ и покойно помѣстились на дно лодки, прямо лицомъ къ солнцу. Лодка съ надутымъ парусомъ понеслась быстро, съ шумомъ разсѣкая желтоватую воду Нила. Тѣ же виды Нильскихъ береговъ, видѣнные нами рано утромъ, проходили мимо насъ и теперь, возбуждая уже мало интереса и вниманія. И только дневная жара да большее движеніе лодокъ и маленькихъ судовъ видоизмѣняло нѣсколько картины, придавая имъ иной видъ освѣщенія и большее, чѣмъ утромъ, разнообразіе.

Булакскій музей.

Публичный музей, основанный въ Каирѣ Маріэттомъ, это тоже особенность египетской столицы. Музей спеціальный—въ немъ только египетскія древности. Стоитъ онъ на самомъ берегу Нила, но съ улицы огороженъ высокою стѣною. Музей начинается прямо отъ воротъ, съ перваго, такъ сказать, шага пирамидами, сфинксами, стеллами и тутъ же въ зелени деревьевъ памятникомъ основателю его Маріэтту. Въ самомъ зданіи нѣтъ оконъ; свѣтъ падаетъ съ верху, оттого всѣ предметы въ залахъ освѣщены прекраснымъ ровнымъ свѣтомъ. Въ музеѣ нѣтъ картинъ, мраморныхъ статуй, книгъ и ничего подобнаго въ нашемъ европейскомъ смыслѣ. Въ немъ только памятники древней жизни страны: муміи, папирусы, условныя статуи, камни и множество мелкихъ вещей домашней обиходной жизни, преимущественно египетскихъ фараоновъ. Среди одной изъ залъ музея стоитъ деревянная статуя Ра-Эмъ-Ке, одного древнѣйшаго египетскаго сановника и,—страшно выговорить,—ей 6000 лѣтъ! Одна эта статуя—чудо, подобнаго которому нѣтъ въ цѣломъ старомъ и новомъ свѣтѣ. Глазамъ не вѣришь, глядя на этотъ памятникъ: такъ онъ великъ по идеѣ, въ него вложенной и прекрасно человѣченъ по выполненію. Значитъ,—думается невольно,—египтяне за 4000 лѣтъ раньше грековъ и за 6000 лѣтъ раньше насъ, уже стояли на такой высотѣ цивилизаціи, что могли создавать такія произведенія искусства, выше которыхъ нѣтъ нигдѣ на землѣ нашей. Стало быть, правы были египетскіе жрецы, говорившіе Платону, что исторія ихъ родины равнялась уже въ то время 10 тысячамъ лѣтъ.

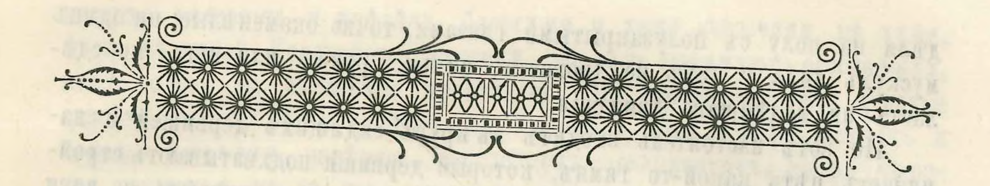
Вторая статуя музея—фараона Хефрена, строителя второй Гизехтской пирамиды, вышедшая изъ подъ рѣзца художника за 4800 лѣтъ до нашего времени. Она сдѣлана изъ діорита и представляетъ фараона сидящимъ въ креслѣ. Выраженіе лица и поза замѣчательно

величавые, покойные и лишь непривычный для нашего глаза головной уборъ мѣшаетъ намъ любоваться, какъ слѣдуетъ, этимъ замѣчательнымъ шедевромъ древняго египетскаго искусства. Потомъ идутъ цѣлые залы и ряды, наполненные ярко раскрашенными деревянными пробами мумій, начиная отъ VI и оканчивая XXXI династіей египетскихъ царей, т. е. приблизительно за 5400 до 3000 лѣтъ до настоящаго времени. Многія изъ мумій положены послѣдовательно въ три гроба, а оттого третій наружный футляръ-гробъ выходилъ громадныхъ размѣровъ. Вся внутренняя сторона гробовъ исписана іероглифами и рисунками, краской яркихъ колеровъ и большей частью лоснящейся. Мумія лежитъ съ скрещенными на груди руками, обвитая бѣлой тканью. Все пустое пространство въ первомъ гробу наполнено душистыми травами. Есть муміи съ открытыми лицами, на которыхъ сохранено выраженіе уснувшаго человѣка и другія, у которыхъ въ полу-открытомъ рту бѣлѣются зубы. Въ витринахъ, тутъ же около стѣны, показываются тѣ цвѣты и листья растеній, какіе были найдены въ гробницахъ муміи, на которыхъ сохранились всѣ природные колера красокъ, а между тѣмъ, они, сокрытые подъ землею, пролежали въ гробахъ мумій около 3000 лѣтъ!

Далѣе, въ музеѣ идутъ цѣлые ряды камней, стеллъ, саркофаговъ, барельефовъ, папирусовъ и витринъ, наполненныхъ мелкими вещами—статуэтокъ, украшеній человѣческаго тѣла и жуковъ съ картушами (фамиліями) ихъ бывшихъ собственниковъ. Тамъ вы увидите древнѣйшій золоченый топоръ—эмблему царской власти—съ тонкой гравюрной работой на лезвіѣ; ручное зеркало, браслеты, ожерелья, однимъ словомъ все то, что мы наивно считаемъ изобрѣтеніемъ новаго времени и европейскихъ народовъ.

Обозрѣвъ музей, вы выходите опять на тотъ же дворикъ-садъ, по которому вошли и, поворачивая направо, подходите къ низенькой оградѣ на самомъ Нильскомъ берегу. Мы увидѣли эту священную рѣку тутъ въ первый разъ и у каждаго изъ насъ затрепетало сердце при цѣломъ роѣ историческихъ и религіозныхъ воспоминаній, связанныхъ съ ея именемъ. Я наскоро сбѣжалъ по каменной лѣсенкѣ внизъ и умылъ руки и лицо въ мутной желтоватой водѣ, точно совершая обрядъ и мысленно пробѣгалъ историческіе обряды египтянъ, свидѣтелемъ которыхъ была эта рѣка съ незапамятныхъ временъ.

ДЕРВИШИ.

Наслушавшись довольно о вертящихся дервишахъ, мы поѣхали смотрѣть и это чудо въ таинственномъ Египтѣ.

На окраинѣ Каира одиноко стоитъ ничѣмъ не выдѣляющійся храмъ, а даже нѣсколько напоминающій старую сельскую церковь на Руси, безъ колокольни и креста, осѣняющаго куполъ. Острый конусъ зданія вѣнчаетъ полумѣсяцъ; рядомъ съ нимъ ординарный минаретъ и низкія невзрачныя постройки, въ которыхъ ютятся—дервиши, ихъ послушники, будущіе тоже дервиши. За маленькую входную плату насъ впустили въ храмъ и указали стулья около одной изъ стѣнъ его. Туристовъ—посѣтителей разныхъ національностей и преимущественно англичанъ набралось десятка три-четыре.

Какъ всякая мечеть, такъ и эта мечеть дервишей, имѣла тотъ же внутренній видъ, т. е. была совершенно пуста, съ голыми стѣнами и лишь въ одномъ углу маленькая каѳедра, на нѣкоторомъ возвышеніи устроенная, гдѣ помѣщаются „восточные музыканты“, напоминая собою внѣшность католическаго храма,—нѣсколько нарушала видъ полной запустѣлости. Среди каменныхъ плитъ пола разостланы циновки, а для зрителей европейцевъ вдоль одной стѣны поставлены стулья.

Гуськомъ вошли въ храмъ дервиши—монахи, босые, одѣтые въ длинныя бѣлыя рубахи, подпоясанныя веревками и всѣ съ блѣдными лицами и длинными волосами на головѣ. Они чинно, чисто по восточному, сѣли на циновки, образуя кругъ около 40 человѣкъ участвующихъ. Настоятель ихъ, повидимому регентъ, началъ что-то пѣть, а музыканты—дудка и мѣдный треугольникъ—ему вторить. Музыка и пѣніе для нашего уха казались непріятными и раздражающими; такта ихъ уловить мы были не въ состояніи. Но на дервишей то и другое, видимо, дѣйствовало внушительно. Они си-

дѣли на полу съ полузакрытыми глазами, точно окаменѣлые; ни одинъ мускулъ лица у нихъ не дрогнетъ, ничья рука или нога не сдѣлаетъ ни малѣйшаго движенія.

Но вотъ настоятель входитъ въ кругъ сидящихъ дервишей и начинаетъ пѣть какой-то гимнъ, который дервиши подхватываютъ стройно хоромъ. Еще минута и моментально всѣ они вскакиваютъ на ноги и съ настоятелемъ во главѣ начинаютъ круговое хожденіе, съ покачиваніемъ головою въ тактъ направо и налѣво. Съ каждой минутой темпъ хожденія танца ускоряется, какъ ускоряется и покачиваніе направо и налѣво головою и заканчивается головокружительной быстротою, круговой священной пляски.

Моментально музыка и пѣніе замолкаютъ и дервиши, какъ статуи, останавливаются на мѣстѣ неподвижно.

Черезъ минуту-двѣ музыканты начинаютъ исполнять другой мотивъ; дервиши садятся на полъ, поджавъ ноги по восточному обряду, и тѣмъ же кругомъ на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи. Поразительно согласно начинаютъ они дѣлать глубокіе поклоны головою: прямо, направо и налѣво съ начала медленно, а потомъ, ускоряя темпъ, доводятъ его до такого напряженія, что съ ними чуть не дѣлается дурно. Головы участвующихъ болтаются въ три темпа, съ поразительной быстротой; волосы хлещутъ ихъ по лицу и плечамъ; изъ груди вырывается хрипѣніе и вотъ-вотъ такъ и кажется, что дервиши упадутъ въ безпамятствѣ. Одинъ какой-то знакъ со стороны настоятеля и всѣ 40 дервишей застыли въ позѣ и сидятъ неподвижно. Глаза у нихъ горятъ, лица покраснѣли, потъ струится градомъ, но они сидятъ, какъ истуканы, безмолвно и неподвижно.

Подобныхъ эволюцій было продѣлано дервишами, въ разномъ видѣ и темпѣ, кажется, до 7 номеровъ. Мы едва выносили наше первое возбужденіе какого-то непонятнаго втягивающаго страданія. Намъ казалось, что продлись еще нѣкоторое время это состояніе бѣшено ритмующихъ движеніями людей и мы сами бросимъ наши стулья и пойдемъ выдѣлывать тѣ же эволюціи. Есть разсказъ, что какой-то англичанинъ глядѣлъ, глядѣлъ на вертящихся дервишей да и бросился за ними выдѣлывать тѣ же самыя движенія. И я считаю, что въ такомъ разсказѣ нѣтъ невѣроятнаго. Есть въ человѣкѣ вообще какая-то невѣдомая склонность заражаться высшими экстазными состояніями другого человѣка и толпы. Заразительность верченія и разныхъ эволюцій дервишей, мнѣ кажется, совсѣмъ невозможна.

Проживя въ Каирѣ цѣлыхъ десять дней времени и присмотрѣвшись къ его оригинальной физіономіи, мнѣ думается нелишне набросать и нѣсколько штриховъ общаго характера.

Каиръ, если хотите, городъ въ европейскомъ смыслѣ. Въ центрѣ его прекрасный садъ; улицы новаго города широкія и освѣщаются

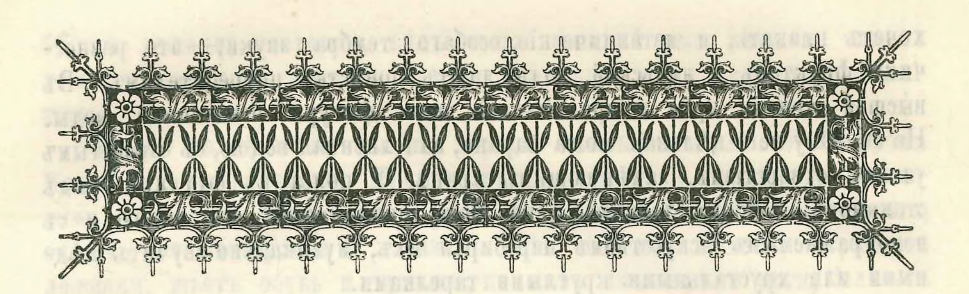
газомъ; магазины и кофейни блестящи и даже извозчики не хуже, чѣмъ въ любой Европейской столицѣ. Но васъ поражаютъ особенности, какъ только вы взглянете пристально. Въ городскомъ саду деревья совсѣмъ не тѣ, какія растутъ въ Европѣ, хотя и садъ устроенъ и деревья посажены, навѣрное, европейцемъ—садовникомъ. Улица широкая, мощеная, но въ нее выглядываютъ дома особой архитектуры, красивые въ цѣломъ, но совсѣмъ не симметричные въ частности. Тутъ, видимо, руководитъ человѣкомъ, созидающимъ домъ, только фатальная забота—имѣть какъ можно меньше свѣта, какъ можно больше тѣни. На одной улицѣ вы видите, какъ каждая угловая комната второго этажа дома, острымъ, нависшимъ, какъ балконъ, угломъ, выдвигается наружу, а другая чуть совсѣмъ не спрятана отъ свѣта, почти смыкающимися крышами домовъ и только диву даешься, глядя, какъ можетъ держаться большая тяжесть двухъ этажей только на концахъ тонкихъ жердей, видныхъ снизу навѣса, замѣняющихъ наши же лѣзныя балки подъ балконами. Извозчики и экипажи у нихъ такіе же, какъ, наприм., въ Вѣнѣ, но кучеръ непремѣнно черный нубіецъ, у котораго какъ-то странно блестятъ бѣлые зубы, спускается до пятъ бѣлая рубаха, да торчитъ сѣрый пиджакъ на плечахъ и темнокрасная феска на головѣ, сдвинутая на затылокъ. Взгляните съ высоты балкона на толпу и вы увидите прежде всего фески и фески, и только изрѣдка и *спорадически* закутанную въ черную чадру туземку женщину, да цилиндръ или котелокъ на головѣ европейца. Весь рабочій народъ, всѣ погонщики муловъ, всѣ уличные ребятишки—одѣты въ длинныя синія рубахи, замѣняющія блузу, съ повязаннымъ огрывкомъ матеріи или платкомъ кругомъ головы, въ видѣ тюрбана, и непремѣнно босые. Поэтому вы часто ошибаетесь, принимая по ихъ странному одѣянію—мужчину за женщину. Вотъ видите, по всѣмъ признакамъ, идетъ нянька и на одномъ плечѣ у ней сидитъ верхомъ ребенокъ, ласково схвативъ рученками обмотанную голову своей пѣстуньи. Но вы ошибаетесь. Нянька эта мужчина и по большей части негръ. Вонъ на козлахъ коляски сидитъ, прикурнувши, кучеръ, совсѣмъ русская баба, одѣтая въ поняву, укутавшая голову клѣтчатой шалью. Такихъ ошибокъ вы дѣлаете массу и каждый разъ, замѣчая ихъ, невольно надъ собою улыбаетесь. Но вотъ еще уличная особенность Каира. Вы слышите особенный гортанный крикъ и видите, какъ крупной рысью, широко шагая, бѣгутъ два человѣка. Одѣты они въ бѣлые костюмы съ золотой вышивкой, въ рукахъ у нихъ палки. За ними несется ландо, въ которомъ ѣдетъ мѣстный сановникъ или просто богатый человѣкъ Каира. Бѣгущіе люди не проводники и не кавасы—это скороходы, очищающіе дорогу для экипажа, пожалуй, даже необходимые на Востокѣ, гдѣ улицы узки и толпа народа не даетъ проѣзда. Но видъ стремглавъ несущихся людей быстрѣе, чѣмъ

бѣгутъ лошади; повторяю, видъ этотъ каждый разъ какъ-то тяжело ложится на душу, пока съ нимъ не освоишься и къ нему не привыкнешь.

Каиръ раздѣляется на два города—старый и новый. Въ старомъ Каирѣ все оригинально, начиная отъ построекъ и оканчивая домашнимъ обиходомъ обывателя. Прямо на улицу выходитъ его комната, она же его мастерская и магазинъ. Въ ней онъ живетъ, стряпаетъ лепешки, шьетъ обувь и тутъ же, поджавъ калачикомъ ноги, болтаетъ часъ-другой съ пріятелемъ за кальяномъ. Улицы въ старомъ городѣ узкія, кривыя и были бы очень грязныя, какъ въ Іерусалимѣ, если бы не просушивало ихъ африканское солнце, да мелюзга ребята не подбирали бы въ корзины всякій соръ и сырой навозъ, какъ матеріалъ для смѣси съ пескомъ, чтобы сдѣлать годную массу для построекъ стѣнъ египетскихъ жилищъ. Странные, со всякими балконами, навѣсами и окнами дома, порою мраморные бассейны для воды, причудливые кіоски, тяжелыя стѣны старинной мечети—идутъ сплошнымъ рядомъ построекъ. Говоръ и шумъ, толкотня и движеніе сопровождаютъ васъ всюду. А эти базары—турецкій, арабскій, сирійскій, въ которыхъ царствуетъ полумракъ и въ которые надо попадать узенькими проходами? О, какъ они не похожи на наши базары! Идетъ рядъ лавокъ, порою съ закрытыми товарами, съ выдвинутыми впередъ низенькими прилавками, на которыхъ стоитъ незатѣйливая стеклянная витрина, какъ бываетъ у нашихъ старьевщиковъ и флегматически сидитъ на коврѣ самъ хозяинъ, медленно потягивая кальянъ. Онъ не зазываетъ покупателя въ лавку, но предлагаетъ товаровъ, а какъ бы нехотя, точно одолжая, снисходя къ вамъ, медленно покажетъ вещь, развернетъ матерію, если вы ихъ спросите, назначитъ больше, чѣмъ двойную цѣну и медленно положитъ на свое мѣсто, если вы ее не купите. Разъ какъ-то мы зашли въ восточный парфюмерный рядъ, гдѣ арабы продаютъ разныя эссенціи духовъ, мыла и душистыхъ смолъ. Около лавокъ висятъ на ниткахъ широкія ленты золоченой бумаги, шурша и шелестя въ воздухѣ; на низенькомъ прилавкѣ маленькой лавки сидитъ по-восточному красавецъ—арабъ въ длинной бѣлой рубахѣ, бѣлой чалмѣ, но съ босыми ногами. Лицо у него бѣлое, брови черныя, глаза большіе и блестящіе. Не поднимаясь съ мѣста, достаетъ онъ съ полки флаконъ душистаго масла, коробку мыла, подноситъ ихъ къ носу и если вы купите, то тутъ же наливаетъ въ длинную узенькую стклянку, печатаетъ пробку сургучемъ и вручаетъ вамъ. Движенія его въ сидячей позѣ плавны, ловки и изящны. Кругомъ его на прилавкѣ масса флаконовъ, коробокъ, но онъ ничего не зацѣпитъ и не пролетъ; онъ, точно рыба въ водѣ, плаваетъ въ своей сферѣ.

Въ каждой улицѣ и переулкѣ вы слышите крикъ, точно кто-то хочетъ плакать, и металлическіе, особаго тембра звуки,—это разносчики фруктовъ и нильской воды даютъ повѣстку потребителямъ. Въ высшей степени ярка и оригинальна сама фигура разносчика воды. На спинѣ у него цѣльная кожа барана, наполненная водою, съ открытымъ узкимъ отверстіемъ, замѣняющимъ кранъ. У пояса въ футлярѣ рядъ стакановъ, которые ловкимъ движеніемъ наполняетъ онъ водою и съ неподражаемымъ искусствомъ перебирая ихъ, музыкально звучитъ мѣдными или хрустальными круглыми тарелками.

Пересмотрѣвъ мои предшествующія замѣтки о Египтѣ, я нахожу, что многое пропущено и о многомъ сказано вскользь и мимоходомъ. Что подѣлаешь: нѣтъ возможности разсказывать все видѣнное и слышанное и невольно ограничиваешься только главнымъ и выдающимся. Такъ, я мало разсказалъ о простомъ египетскомъ народѣ, на плечахъ котораго, какъ и вездѣ, совершена національная исторія, но о которомъ часто какъ-то забывается, а если что и говорится, то какъ о фонѣ картины, для чего достаточно одного банальнаго слова или одного безцвѣтнаго выраженія. О народѣ мѣстномъ я не могъ сказать больше потому, что мало его видѣлъ и мало его знаю. Другихъ сторонъ его національной жизни—промышленной, торговой или современнаго англійскаго диктаторскаго управленія я не касался вовсе, сколько по той же причинѣ—малаго времени, бывшаго въ моемъ распоряженіи, столько-же и потому, что не въ правѣ былъ считать себя человѣкомъ компетентнымъ. Говорить же, что называется, съ апломбомъ и съ плеча обо всемъ, не зная точно, я считалъ себя не въ правѣ.

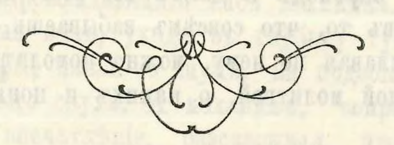
Египетъ.

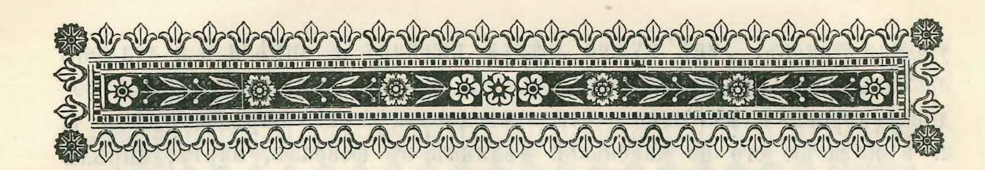
Путь изъ Каира въ Александрію.

Изъ Каира въ Александрію пролегаетъ, кромѣ Нила, желѣзная дорога. Скорый поѣздъ проходитъ все разстояніе въ 4 часа времени. Весь путь вы ѣдете по зеленой равнинѣ, усѣянной и усаженной пальмами, сикоморами и другими южными деревьями. Все это пространство прокопано каналами, несущими нильскую воду и питающими благодатную землю, которая даетъ два хлѣбныхъ урожая въ годъ, роститъ лучшій на землѣ хлопчатникъ и сахарный тростникъ въ 4 арш. вышиною. Изъ оконъ вагона мы видѣли желтыя созрѣвшія поля пшеницы и зеленые налитые колосья ячменя, да сочный клеверъ, примитивнымъ способомъ сжатый съ корня и связанный въ обыкновенный снопъ-ношу, удобный къ перевозкѣ вьючно. Тутъ, какъ видно, нѣтъ сѣнокосныхъ полей, и жители Египта не знаютъ слова „сѣно". У нихъ есть только трава, сѣянная въ любое время года и снимаемая по мѣрѣ надобности. Особый климатъ Египта и особенность характера Нила, ежегодно въ одни и тѣ же числа заливающаго его долину водою и иломъ, даютъ всему домашнему обиходу страны въ высшей степени оригинальную физіономію, понятную намъ только здѣсь, на самомъ мѣстѣ. Оттого египтянинъ сѣетъ одно поле въ сентябрѣ, другое въ ноябрѣ, а третье въ февралѣ, однимъ словомъ, сѣетъ тогда, когда только ему нужно. Ходъ его мысленныхъ расчетовъ

урожая таковъ: „мнѣ нужно зрѣлую пшеницу 1 апрѣля и я долженъ ласѣять поле 1 декабря; мнѣ нуженъ клеверъ для моихъ пары водовъ, коровы и маленькаго стада овецъ въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и т. з. и я засѣю его по маленькой дѣлянкѣ въ февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ и буду ежедневно жать по нѣсколько сноповъ для продажи и лакомить мой скотъ въ придачу къ ячменному зерну, которое я ему даю. По временамъ мои ребятишки поведутъ на веревкѣ корову и овецъ пощипать отавы на сжатую часть поля".Если поле египтянина лежитъ возлѣ канала, тогда онъ черпаетъ изъ него журавцомъ воду и проводитъ ее на каждую борозду. Если же поле его удалено на значительное разстояніе отъ канала, тогда онъ копаетъ колодецъ, ставитъ надъ нимъ деревянное колесо съ кувшинами на ободѣ, захватывающими воду, а посредствомъ другого горизонтальнаго колеса съ шестернею ворочаетъ эту неуклюжую до нельзя скрипучую машину, впрягая туда потомка Аписа, который съ завязанными глазами и ходитъ кругомъ оси, таская за собою рычагъ отъ второго колеса. Возлѣ подобнаго колодца, обыкновенно, находится владѣльческій домъ, по нашему примитивная мазанка или низенькая изба, съ плоскимъ потолкомъ-крышей, построенная изъ жердей, глины и навоза.

Около самаго города Александріи желѣзная дорога идетъ по полотну, проложенному лагунами моря на подобіе того, какъ сдѣлано это въ окрестностяхъ Венеціи. Вокзалъ въ Александріи, какъ и всѣ станціи желѣзной дороги, ничѣмъ особеннымъ на отличается, кромѣ отсутствія буфетовъ да широкою террасой, на которой сидитъ публика, какъ въ любомъ кафэ уличнаго ресторана. Въ нашемъ поѣздѣ былъ въ числѣ пассажировъ г. Вольсней, англійскій главнокомандующій въ Египтѣ, вызываемый въ Англію и будто бы назначаемый главнокомандующимъ въ Индію воевать съ Россіей. Это было даровой сенсаціей и представляло зрѣлище, нелишенное интереса.

Средиземное море.

Пароходъ „Россія“

Въ Александріи на этотъ разъ мы видѣли мало, провозившись долго съ египетской таможнѣ, такою же назойливой, какъ назойливы египетскія мухи, и невыносимою, какъ египетскіе москиты, кусающіе васъ, несмотря на кисейные пологa, обтягивающіе кровати. 12-го апрѣля мы были уже на пароходѣ „Россія, идущемъ прямымъ рейсомъ въ Одессу.

Нужно-ли говорить, что когда мы стали на бортѣ русскаго парохода, то почувствовали давно желанный отдыхъ, подобно тому, какъ усталый человѣкъ съ наслажденіемъ опускается въ кресло. Всѣ эти виды, картины, племена и народы, къ которымъ усиленно присматриваетесь, невольно утомляютъ ваше вниманіе, и ваше тѣло и голова начинаютъ требовать покоя и отдохновенія. Длинный переѣздъ моремъ, превосходный пароходъ и даютъ все это. Привычка же дѣлаетъ въ концѣ-концовъ то, что совсѣмъ забываешь, что море ненадежная стихія и что, плавая по нему, можно помолиться Богу съ такимъ усердіемъ и пламенной молитвой, о какихъ и понятія не имѣешь, живя на сушѣ.

Пароходъ „Россія“ самъ по себѣ достоинъ вниманія. Вотъ его размѣры и вмѣстимость:

Длина 52 саж., ширина 5 саж., посадка въ водѣ 3 саж., сверхъ воды 5 саж., грузится товаровъ 200.000 пуд., помѣщается пассажировъ 1.500 чел.

Интересно быть на такомъ пароходѣ и бродить по палубѣ его

отъ носа до кормы, на протяженіи 52 саженъ. Всюду бросаются въ глаза новые предметы невиданной конструкціи. Вотъ стоитъ деревянный футляръ, изъ котораго выглядываетъ складная колѣнчатая рукоятка—это шкивъ, на который наматывается проволочный канатъ для привязыванія парохода „къ бочкѣ“, во время установокъ въ портѣ. Вотъ лебедка съ длиннымъ, наклоннымъ, на подобіе журавца, рычагомъ и цѣпью, которая, стоя на мѣстѣ, автоматически вертится направо и налѣво, таскаетъ тюки товаровъ и животныхъ изъ лодки въ люкъ, изъ люка въ лодку, совершая, гдѣ нужно, остановки и замедленія. Вотъ длинный, саженъ въ десять, холщевый мѣшокъ, притянутый устьемъ къ первому ряду рей, по которому струится свѣжій воздухъ въ подпалубный этажъ парохода. Вотъ, наконецъ, открытый товарный люкъ, заглядывая въ который, вы поражаетесь пятисаженной глубиною парохода. Внутри его идутъ раздѣлы, этажи, желѣзныя висячія лѣстницы, по которымъ, точно кошки, бѣгаютъ и лазятъ матросы.

Внутренность, подводная часть парохода, гдѣ находится паровая машина, паровые котлы и механизмъ винта, еще интереснѣе и занимательнѣе всего остального. По крутымъ желѣзнымъ лѣсенкамъ вы спускаетесь, лицомъ назадъ, въ послѣдовательные три этажа. Въ верхнемъ этажѣ-отдѣлѣ вы видите половину двухъ большихъ цилиндровъ, плавно работающихъ шатунами внизъ. Во второмъ этажѣ видны тѣ же цилиндры надъ вашими головами, спускаясь шатунами ниже второго рѣшетчатаго пола. Въ узенькую дверь вы проходите на площадку, съ которой открывается внизу кубическое пространство съ 10 паровыми котлами, около которыхъ работаютъ полунагіе кочегары. Вернувшись назадъ на знакомую площадку, вы спускаетесь въ 3-й этажъ, гдѣ установлены кривыя колѣна желѣзнаго вала, ворочающаго за кормою парохода винтовыя крылья. Намъ предложили пройти до самой кормы внутри герметически замкнутаго желѣзнаго туннеля, покрывающаго собою вертящійся валъ на протяженіи 20 саженъ. Жутко становится въ этомъ темномъ туннелѣ, чуть только освѣщаемомъ ручнымъ фонаремъ сопровождающаго насъ механика. Тихо, какъ змѣй, скользитъ полированный валъ, уходя въ глубину туннеля; глухо стучать паровые цилиндры; какой-то шумъ, на подобіе отдаленнаго гула, доносится до вашего слуха. А механикъ, сопровождавшій васъ, усиливаетъ страшное впечатлѣніе, разсказывая, что теперь надъ вашими головами 15 футовъ воды, что если вотъ въ этой стѣнѣ парохода, возлѣ которой, хватаясь за желѣзный прутъ, вы идете, боясь упасть на вертящійся валъ,—что вотъ если тутъ случится пробоина и вода хлынетъ вотъ сюда, тогда мы захлопнемъ дверцы герметической перегородки этого туннеля и пароходъ пойдетъ „какъ ни въ чемъ не бывало“. Разсказывая это, механикъ любезно поводитъ фо-

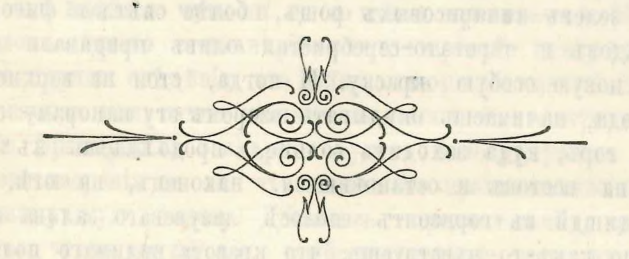
наремъ и, улыбаясь, похлопываетъ рукою глянцевитую поверхность вертящагося вала. А у васъ въ это время по спинѣ бѣгаютъ мурашки и недобрыя мысли сверлятъ голову: „а ну, какъ вдругъ на самомъ дѣлѣ сломается валъ и прихлопнетъ васъ осколками въ этой темной трущобѣ? А ну, какъ подводная скала пробьетъ тонкую стѣну парохода и зальетъ васъ въ этой клѣткѣ“? Скрѣпя сердце и пригнувшись къ полу, вы проползаете въ окно послѣдней перегородки тамъ, гдѣ лежитъ на послѣдней подушкѣ валъ, а за стѣною кормы бурлятъ воду громадныя перья винта, и едва окинете взоромъ стѣны и сводъ тѣснаго пространства, какъ спѣшите поскорѣе убраться вонъ. Сознаніе тѣсноты и смутной опасности гнететъ васъ сильно и гонитъ наверхъ, на свободу и просторъ палубной жизни.

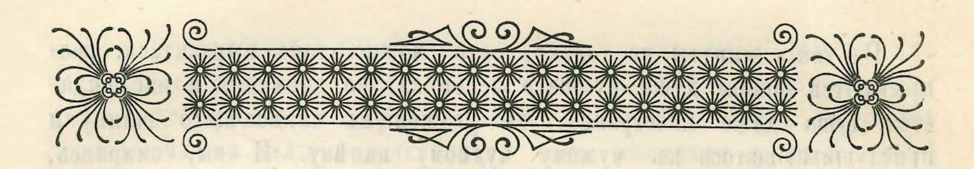
Пассажировъ—богомольцевъ у насъ на палубѣ 350 человѣкъ. Удивительно характерны эти пассажиры. Они большей частью сѣрый людъ обоего пола, сошедшійся со всѣхъ концовъ православной Руси, предводимый монахами, странниками и странницами. У каждаго изъ нихъ узелъ и котомка, полные иконами, четками, свѣчами и друг. предметами, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенными въ Іерусалимѣ, куда вело ихъ исключительно одно религіозное чувство. И надо видѣть, съ какимъ радостнымъ чувствомъ берегутъ они эти котомки и узелки, перебираютъ въ нихъ содержимое и сообщаютъ одинъ другому подробную біографію каждаго предмета и реликвій.

Пароходъ „Россія“ въ открытомъ уже морѣ, а мы все еще прощаемся съ Александріей, поглядывая па скрывающіеся храмы, на портовый маякъ и посылая послѣднее „прости“ Помпеевой колоннѣ, едва различаемой за мачтати судовъ и высокими трубами паровыхъ мельницъ. Средиземное море совсѣмъ покойно, и мы живемъ на пароходѣ совсѣмъ какъ дома: утромъ пьемъ кофе, въ 11 часовъ завтракаемъ, въ 5 обѣдаемъ и въ 8 „дѣлаемъ“ чай. Каждый вечеръ богомолки составляютъ хоръ и поютъ духовные ирмосы, пасхальную службу и каноны угодникамъ. Трудно представить себѣ эту картину на сушѣ. Только на морѣ, только тутъ, самъ слушая и видя, постигаешь все величіе и силу религіозно-бытовой жизни русскаго народа. Кругомъ необъятное Средиземное море лазореваго цвѣта, освѣщаемое послѣдними лучами заходящаго солнца. Вѣтерокъ едва шелеститъ оснастки мачтъ и чуть трогаетъ вывѣшенный флагъ. Пароходъ плавно движется по одному прямому направленію. Всюду какъ бы разлита мирная тишина природы. И вотъ на палубѣ парохода, на возвышенномъ мосту товарнаго люка, между скрещенными снастями паровыхъ лебедокъ, ставится икона, всходитъ священникъ и совершается церковная служба. Стройное унисонное пѣніе молодыхъ голосовъ льется по воздуху, несется по всѣмъ угламъ парохода и завершается трогательнымъ кіевскимъ напѣвомъ: „аллилуія, аллилуія, аллилуія“...

Въ такія минуты не только, если можно такъ выразиться, раскрываются фибры души русскаго человѣка, но внимаетъ и наслаждается душа даже иностранца, съ уваженіемъ снимающаго шляпу и прислушивающагося къ чужому чудному напѣву. И вы, смиряясь, умиленно отдаетесь вполнѣ религіозному настроенію, возбужденному благоговѣйною толпою молящагося сѣраго народа и стройно поющаго хвалебную пѣснь: „Святителю отче Николае, моли Бога о насъ“, „Пресвятая Богородице, спаси насъ“.

Безпредѣльно дороги и хороши такія минуты, когда охватываетъ васъ одно общечеловѣческое чувство и когда забываются различія ранговъ, чиновъ и классовъ!...

Смирнскій рейдъ.

Къ вечеру 14 апрѣля, въ воскресенье, мы были уже въ Смирнѣ, пройдя тѣмъ же архипелагомъ, которымъ проходили и въ первый разъ, но при другомъ солнечномъ освѣщеніи. А отсюда картина панорамы казалась совсѣмъ иная. Вечеръ и ночь, когда мы стояли въ портѣ Смирны, были полны очарованія. Кругомъ тепло и тихо. Солнце клонилось къ закату, освѣщая косыми лучами высокія горы залива, золотило ихъ верхушки и налагало роскошные прозрачные тоны красокъ на выступы и углубленія, сверкало милліонами алмазовъ на поверхности залива и освѣщало желтоватымъ свѣтомъ всю такую же высокую цѣпь горъ на другой противоположной сторонѣ залива. Темная, матовая зелень кипарисовыхъ рощъ, болѣе свѣтлая фиговыхъ и лимонныхъ садовъ и сѣровато-серебристая оливъ придавали красотѣ пейзажа еще новую особую окраску. И когда, стоя на верхней площадкѣ парохода, начинаешь окидывать взоромъ эту панораму съ праваго выступа горъ, куда заходитъ солнце, продолжаешь къ сѣверу, переходишь на востокъ и остановишься, наконецъ, на югѣ, на той длинной, уходящдй въ горизонтъ полосѣ лазореваго залива и моря, тогда невольно какъ-то чувствуешь, что красота видимаго подавляетъ ваше сознаніе и внутренно какъ бы жалѣешь, что не можешь ни уловить, ни постигнуть необычайныхъ модуляцій игры свѣта среди этого необыкновеннаго пейзажа.

Ночью, когда мы вновь вышли на палубу парохода, нашимъ глазамъ предстала та же картина Смирнскаго залива, но при лунномъ освѣщеніи и трудно сказать, но какъ будто еще болѣе поэтичная, чѣмъ она казалась при солнечномъ закатѣ. Луна надъ нашими головами ярко сіяла на небѣ и обливала роскошную панораму залива такимъ сильнымъ, колеблющимся свѣтомъ неуловимо-молочнаго оттѣнка, при которомъ все окружающее въ мертвой природѣ казалось живущимъ, двигающимся, говорящимъ. Вся природа точно мечтала, куда-то уносилась, что-то напѣвала! Въ такія минуты человѣкъ молча смотритъ, мочла млѣетъ и тихо шепчетъ внутреннюю молитву...

Архипелагъ и Дарданеллы.

Еще въ Александріи мы тревожно прислушивались къ толкамъ о войнѣ между Россіей и Англіей. Колебаніе курса нашего рубля подтверждало эту тревогу. Ѣхавшій съ нами корреспондентъ русской газеты своими свѣдѣніями, которыя онъ сыпалъ направо и налѣво, еще болѣе усиливалъ такое настроеніе, разсказывая, что онъ видѣлся чуть-ли не со всѣми правителями Египта и всѣмъ персоналомъ нашего александрійскаго и каирскаго консульствъ, получивъ отъ нихъ вѣрныя свѣдѣнія, что война, если не объявлена сегодня, то объявится завтра или, самое позднее, на дняхъ, что завтра явится въ Александрію французская эскадра и будетъ бомбардировать городъ, требуя удовлетворенія за то, что египетское правительство закрыло мѣстную французскую газету. Дѣлались предположенія, что если война объявлена, тогда англійскіе крейсеры прежде всего въ Средиземномъ морѣ и Архипелагѣ погонятся за русскими торговыми пароходами и первою ихъ жертвою будетъ нашъ пароходъ „Россія". Нашъ капитанъ, опытный морякъ, одинъ изъ бывшихъ защитниковъ Малахова кургана въ Севастополѣ, слушая эти толки, резонно замѣчалъ и успокаивалъ, что не такъ это легко дѣлается на самомъ дѣлѣ, какъ передается на словахъ и что ужъ если бы это случилось, то англичанамъ все-таки никогда не удастся завладѣть нашимъ пароходомъ. „Я,—прибавилъ капитанъ,—пролѣзу въ такую щель между островами Архипелага, куда никакой англичанинъ не смѣетъ и носа показать".

Въ Смирнѣ управляющій дѣлами русскаго общества торговли, статскій совѣтникъ, какой-то выродокъ, не то грекъ, не то итальянецъ, страшно жестикулируя руками, называлъ всѣхъ правителей въ Петербургѣ безголовыми, доводящими дѣло до войны и непонимаю-

щими, что всякій-де заграничный владѣлецъ кредитнаго рубля ежедневно теряетъ на немъ нѣсколько дробей пенса. Русскія газеты, полученныя въ Смирнѣ, заднимъ числомъ говорили о томъ же. Приходилось думать, что, быть можетъ, и Турція войдетъ въ союзъ съ Англіей и запретъ Босфоръ для русскихъ пароходовъ.

Съ такимъ настроеніемъ оставили мы Смирну 15 апрѣля и пошли въ проливы, омывающіе прелестные берега островов длиннаго архипелага. Погода стояла тихая и теплая. Море было покойно и отражало въ своихъ водахъ и проносящееся облако, и очертанія острововъ. Наступившій вечеръ при закатѣ солнца и ночь при восходѣ луны, съ чудными перемѣнами воздушныхъ красокъ, долго удерживали насъ на палубѣ парохода. Въ десятый разъ въ памяти хотѣлось удержать, какъ опускается солнце и какъ его лучи скользятъ и теряются по верхушкамъ острововъ, окружая пики горъ радужнымъ ореоломъ сіянія и золотой прозрачной пылью, заполняя впадины и ущелья; какъ всплывающій мѣсяцъ, точно красный бронзовый щитъ, поднимается выше и выше и по мѣрѣ того становится блѣднѣе, бѣлѣе, прозрачнѣе и какъ, наконецъ, появляется въ морѣ отраженіе отраженнаго луннаго свѣта, сначала слабое, чуть замѣтное, а потомъ переходитъ въ широкую могучую полосу, сверкающую милліонами факеловъ.

16 апрѣля, въ полдень, мы остановились подъ грозными пушками Дарданельскаго пролива, для сдачи и пріема грузовъ. Описывать входъ въ Дарданеллы я не буду, въ виду того, что, исключая военнаго значенія да воспоминанія о Троѣ, тутъ же рядомъ когда-то стоявшей, Дарданеллы ничѣмъ другимъ не отличаются. Черезъ 2—3 ч. времени мы снялись съ якоря и пошли вдоль пролива и Мраморнаго моря прямо къ Босфору. Прекрасные виды, чудный вечеръ и хорошее настроеніе не оставляли насъ. За вечернимъ чаемъ даже сдержанный капитанъ при разговорѣ посовѣтовалъ намъ, что всѣмъ любителямъ картинъ природы слѣдуетъ полюбоваться панорамою при входѣ въ Босфоръ, освѣщенною восходящимъ солнцемъ. „Это одна изъ лучшихъ панорамъ въ мірѣ“,—добавилъ онъ. Крылатое слово на родинѣ Гомера достигло сердца и мы рѣшили встать на завтра въ 4 ч. утра и непремѣнно видѣть панораму входа въ Босфоръ. Пока же, взглянувъ въ иллюминаторъ пароходнаго салона, мы не утерпѣли, чтобы не полюбоваться не картиною, а рядомъ картинъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ пароходъ при яркомъ лунномъ освѣщеніи.

Приступая къ описанію видѣннаго въ этотъ разъ, я теперь, сидя въ Одессѣ, хотѣлъ начать банальной фразою: „представьте себѣ“ но, вызвавъ въ памяти перечувствованное и пережитое, горько улыбнулся такому пріему, какъ никуда негодному орудію и сталъ втупикъ, не зная, какъ начать и выразиться. Рядъ красокъ и картинъ,

вызванныхъ воспоминаніемъ, ослѣпляютъ мое представленіе. Тѣ нервы мозга, которые воскрешаютъ въ памяти пережитые образы видѣннаго, вновь заставляютъ сильнѣе биться сердце и не даютъ необходимаго покоя, чтобы послѣдовательно передать словами хоть абрисы того, что такъ обаятельно ласкало мое внутреннее созерцаніе. Передъ моими воспоминаніями встаютъ и проносятся образы-картины. Ночь. Глубокая тишина повсюду. Чистое, синее небо усѣяно звѣздами. Онѣ горятъ. Полная луна сіяетъ ярко. Кругомъ ея, какъ ореолъ, мерцаетъ матовый свѣтъ, въ которомъ тонутъ слабыя свѣтила—звѣзды. Громадный кругъ бѣлаго свѣта падаетъ на дальнюю поверхность моря и, сверкая искрами, широкой полосою тянется къ пароходу. Темная масса воды, ровная, покойная, въ глубинѣ которой мерцаютъ отраженныя звѣзды и цвѣтъ неба и далеко уходитъ во всѣ стороны. Направо и налѣво, въ туманной дали, мягкими силуэтами виднѣются острова. Ихъ основанія прямою линіей отдѣляютъ море и ломанными изогнутыми очертаніями верхушекъ означаютъ небо. Небеса точно утонули въ морѣ и приняли одинъ съ нимъ колеръ цвѣта. Острова раздѣляютъ ихъ и сами какъ бы висятъ въ пространствѣ. Пароходъ идетъ плавно, покойно. Мачты его мощно уносятся кверху и стоятъ неподвижно. Косые канаты оснастки, проволочныя лѣстницы отрѣзываютъ острые громадные углы неба, чрезъ которые выглядываютъ сѣверныя звѣзды. Торжественная тишина царитъ въ природѣ...

Но чу! Тихо, мелодически откуда-то понеслись звуки и потонули въ воздухѣ. Ухо ловитъ ихъ, душа воспринимаатъ и наслаждается ими. Они снова воскресаютъ, льются, принимаютъ опредѣленные мотивы и завершаются грустно-торжественнымъ гимномъ нашихъ богомольцевъ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и гробнымъ животъ дарова“.

